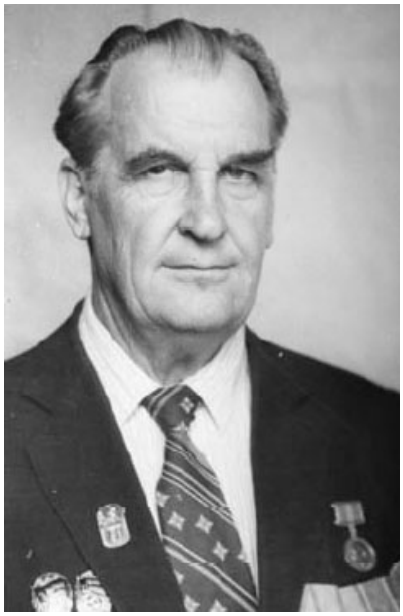

Дмитрий Евгеньевич Мокроносов

АВТОБИОГРАФИЯ

Мои прародители

Начиная свое жизнеописание, не могу не уделить внимание моим предкам - родителям и прародителям, которые сыграли огромную роль в моей судьбе и становлении меня как человека.

Дедушка, Мокроносов Дмитрий Степанович, был столяром-краснодеревщиком, работал на Сысертском металлургическом заводе модельщиком. У нас были сделанные его руками шахматы, и я еще в детстве удивлялся, как вручную можно сделать такую красоту. Дедушка умер еще до моего рождения.

Дедушка, Паутов Дмитрий Сергеевич, работал главным бухгалтером Березовских (под Екатеринбургом) частных золотых приисков. В 1915 году во время Первой мировой войны прииски стали государственными. Возглавил прииски генерал, при входе которого в помещение все должны были вставать, как солдаты или ученики перед учителем. Дедушке это было дико, ни солдатом, ни учеником он себя не считал, за что и был уволен. Поиски работы ни в Екатеринбурге, ни в Петрограде успехом не увенчались. Перебивался случайными заработками. После революции и бегства Колчака дедушка работал в какой-то советской организации, а в 1920 году вместе с сотрудниками конторы был направлен на лесозаготовки. Там сильно простудился и умер. Было ему 49 лет, и я его тоже не знал.

Бабушка, Мокроносова Елизавета Александровна, жила с нами, вела домашнее хозяйство. Когда стали жить в Лысьве, попросила папу купить корову, ухаживала за ней и курами. Была человеком набожным, в троицком храме не пропускала ни одной службы, днем брала с собой меня, а я шёл с удовольствием, чтобы получить там просфирку. В 1928 году мы с бабушкой крестили в храме мою сестру Татьяну. Бабушка была в качестве крёстной матери, а я - крёстного отца.

О бабушке, Екатерине Дмитриевне Паутовой (Богдановой), следует рассказать подробнее.

«Изломы» бабушкиной судьбы

Родилась она в Старой Ладоге в обедневшей дворянской семье. После окончания высших женских курсов в Петербурге двадцать лет работала сельской учительницей,

пока в 1900 году, в возрасте 37 лет, не вышла замуж и не родила детей, которых потом воспитывала. После смерти мужа ей снова пришлось идти на работу, но вынуждена была ее оставить. Дома было четверо детей (Иван, Александра, Марина и Сергей, старший Михаил умер в 1915 г.) и приемный сын Дмитрий Рудометов. Пошли работать ее старшие дети - семнадцатилетний Иван и пятнадцатилетняя Александра. Бабушке было в ту пору 57 лет.

Бабушкина семья жила в трех комнатах шестикомнатной коммунальной квартиры, с общими кухней и люфт-клозетом. Жили две семьи очень дружно. У бабушки своя семья была большая, да еще постоянно жили племянники (Мария, Елена, Михаил).Тем не менее, одну комнату бабушка стала сдавать друзьям-студентам: сысертскому Евгению Дмитриевичу Мокроносову и уфалейскому Александру Алексеевичу Миронову. Со смертью мужа закончилась бабушкина счастливая, ровно текущая жизнь. Все заботы в те тяжелейшие двадцатые годы легли на ее хрупкие, в прямом и переносном смысле, плечи. Она была невысокого роста, всегда худощава.

Но жизнь, несмотря на все ее тяготы, шла. Наконец в конце тоннеля забрезжил свет. В 1923 году одна, а в 1925 году вторая бабушкины дочки вышли замуж за бабушкиных квартирантов. Она осталась с сыновьями, которые работали, хотя младшему Сергею было в 1925 году 16 лет.

Следующий "излом" бабушкиной судьбы пришелся на 1931 год. На месте дома, в котором она жила, решили построить библиотеку. Построили, но почему-то получилась не библиотека, а военный завод. Бабушке, взамен снесенного, жилья не предоставили. Ивану комнатушку дала организация, в которой он работал, а Сергей служил в армии. В 69 лет бабушка осталась без своего "угла", гостила то у одной, то у другой дочери, а с 1932 года, когда умерла бабушка Лиза, стала жить с нами. Вернувшийся в 1933 году из армии Сергей тоже оказался у разбитого корыта и приехал жить в семью своей старшей сестры.

Жизнь бабушки снова налаживалась. В семье все: от зятя до внуков - ее очень любили. Она была добрым внимательным человеком, никогда не повышала голос, а учительницей была от Бога. У соседского мальчика Сережи Тренихина плохо шли дела с немецким языком в школе, и его мама попросила бабушку с ним позаниматься. Бабушка так умела поставить дело, что ученики воспринимали занятия не как учебу, а как игру. Сережа не мог дождаться назначенного часа и всегда приходил раньше. Уже через месяц дела у него наладились. Да я и сам не заметил, как научился считать, писать и читать.

Однажды к маме по своим житейским делам зашла соседка - учительница первого класса школы №2. Как-то между прочим спросила сколько мне лет, потому что я был большим мальчиком, но не учился. Было это в весенние каникулы 1933 года.

- Восемь, - последовал ответ.
- А почему он не учится?
- Его не приняли в школу, потому что 1 сентября ему было 7 лет, а восемь исполнилось лишь в декабре.
- А он умеет читать, писать...?
- Да, все умеет.
- Можно я его проверю?

Августа Петровна тут же меня проэкзаменовала, проверкой осталась довольна и предложила маме отдать меня в ее первый класс. Мама согласилась, и 1 апреля 1933 года я пошел в 1 класс. И это полностью бабушкина заслуга.

Следующий удар бабушке нанесла судьба в 1937 году, когда в Выксе Горьковской области арестовали ее зятя как врага народа, а через два месяца и старшую дочь, домохозяйку, а внуки на лошадке были увезены в КПЗ НКВД. Бабушке сказали: «Чтобы тебя, старая, через 24 часа в городе не было». Бабушка уехала в Лысьву к младшему сыну, который работал токарем в инструментальном цехе завода и в частном доме снимал комнатушку площадью метров 12. Сразу по приезде бабушки его, как брата врага народа, перевели в штамповальный цех, так как инструментальный считался цехом секретным - он так и назывался "С-1".

Бабушка могла уехать к младшей дочери, где ей, безусловно, было бы лучше, но тогда ее второй зять, главный инженер Орского никелевого завода, со стопроцентной вероятностью тоже "загремел бы под фанфары".Сына же Сергея как "мелкую сошку" лишь перевели в другой цех, хотя со значительно худшими условиями труда и более низкой зарплатой.

Мои родители

Папа, Евгений Дмитриевич Мокроносов, всю жизнь стремился к знаниям. В 16 лет поступил учиться в Уральское горное училище, на жизнь зарабатывал, давая частные уроки. В 1917 году училище закончил и поступил работать на Пышминский медеплавильный завод. Осенью поступил учиться в Уральский горный институт, но вскоре его оставил, потому что оказался без средств к существованию. Шла революция, неразбериха, и частные уроки никому не были нужны. В 1918 году поступил работать в управление национальными предприятиями Урала. На Урал пришли белые (Колчак), и папу мобилизовали в армию. 3,5 месяца он служил учеником автомотериста. Белые ушли, но папе удалось остаться в Екатеринбурге. В июле 1919 года он был мобилизован в Красную армию. В апреле 1920 года он, как бывший студент, по приказу реввоенсовета республики был демобилизован и направлен учиться в Уральский политехнический институт. К этому времени институты остались без студентов, а следовательно и без специалистов для восстановления разрушенного гражданской войной хозяйства страны.

Примерно то же самое произошло 24 года спустя. В 1944 году институты остались и без преподавателей, и без студентов. По постановлению правительства уцелевшие на фронте преподаватели возвращались в институты, лицам, имеющим среднее образование, была дана возможность поступать в институты, тем, кто подал заявление о приеме в институт, чинить препятствия с расчетом категорически запрещалось. Контроль был возложен на прокуратуру.

В июне 1925 года состоялся первый выпуск инженеров. В числе 31 выпускника был папа. Отмечу, что четыре поколения Мокроносовых закончили Уральский политехнический институт:

1925 г. - Мокроносов Евгений Дмитриевич.
1948 г. - Мокроносова (Иванова) Галина Ивановна.
1950 г. - Мокроносов Дмитрий Евгеньевич.
1951 г. - Мокроносов Сергей Евгеньевич.
1953 г. - Крикливенко (Мокроносова) Татьяна Евгеньевна.
1974 г. - Мокроносов Лев Дмитриевич.
1974 г. - Мокроносова (Осипова) Валентина Александровна.
2000 г. - Мокроносов Евгений Львович.

Мама, Мокроносова (Паутова) Александра Дмитриевна, была третьим ребенком в семье. Воспитывалась она с мальчиками, ни в чем от них не отличалась, даже одевалась как мальчик. Когда в 1915 году пришло время поступать в гимназию, она впервые со слезами надела платье. Это с малолетства "мужское", если так можно выразиться, воспитание помогло ей в дальнейшем преодолеть те невероятные трудности, которые выпали на ее долю. Едва закончив 4 класса гимназии, мама вынуждена была пойти работать. Но несмотря на то, что образование ей получить не удалось, она была достаточно образованным, грамотным и высококультурным человеком. В детстве она всего два года брала уроки музыки, но тем не менее хорошо играла на фортепиано. Музыка была ее страстью. При первой же возможности в 1928 году родители купили концертный рояль J.Becker. Рояль сгинул в 1937 году. Когда папа вернулся с Колымы, то в 1948 году на первые же появившиеся деньги мама купила пианино.

Папа с мамой поженились 1 июня 1923 года. Папа был еще студентом, но кроме учебы много работал. Был десятником, хронометражистом, конструктором, давал частные уроки и уже мог содержать семью. После окончания института был распределен на Кушвинский металлургический завод. 29 июля 1925 года назначен дежурным инженером в мартеновский цех, а уже через три недели стал мастером. В 1926 году родился мой брат Сергей.

Как мы оказались в Лысьве

В те годы инженеры в промышленности были на перечет, и спрос на них был очень высок. Папу пригласили на Лысьвенский металлургический завод на работу в качестве "помощника заведывающего" (орфография тех времен сохранена) мартеновским цехом (нынче зам. нач. цеха). Ему предложили более высокую должность, а следовательно и зарплату, "казенную квартиру" с мебелью, и он предложение принял. В Кушве мы жили в частном доме с "удобствами во дворе".

Почти месяц оформлялся перевод из Нижне -Тагильского металлургического треста в Пермский горно-заводский трест. И вот 19 июня 1927 года мы в Лысьве. На следующий день папа приступил к работе, а уже 22 октября был назначен начальником цеха.

На работу папа всегда ходил в серой сорочке, темном галстуке и синей спецовке. Всегда был подтянут и аккуратен. От подчиненных требовал того же. В майские праздники первая проходная завода открывалась, и желающие могли посмотреть работу мартеновского цеха. Мне с родителями довелось в цехе побывать. Я был поражен огнедышащими окнами мартеновских печей, а еще больше рабочими, которые на огромной железной лопате заваливали в печь шихту.

В конце сентября 1931 года на завод прибыла комиссия в составе руководителей НКТП (наркомтяжпром) и объединения "Востокосталь". Члены комиссии были поражены порядком и чистотой в мартеновском цехе. Они знали, что Лысьвенский мартеновский цех не раз назывался лучшим мартеновским цехом страны, но увидеть такое они не ожидали. И тут же начальник всесоюзного объединения "Востокосталь" 28 сентября 1931 года подписал приказ о премировании 1000р. начальника цеха Мокроносова Е.Д. "за образцовую чистоту в мартеновском цехе." А 24 октября этого же года папа был назначен главным металлургом завода.

Неписанные правила семьи...

Мы, дети, воспитывались строго, но давления со стороны старших не испытывали.Нас не то что не били, но даже не шлепали, никто из старших на нас не повышал голоса. Получилось как-то так, что мы знали установленные в семье неписанные правила. Правила были достаточно просты и выполнять их для нас не составляло труда:

- во время еды все, что тебе положено, должно быть съедено;
- игрушки и вещи - это, как говорят в Одессе, "две большие разницы". С игрушкой можно делать все, что тебе угодно. Вещь можно брать только по разрешению старших и обращаться с ней нужно бережно;
-гулять можно где угодно, но не дальше, чем на расстояние маминого голоса. Мама один раз позовет - нужно бежать домой. Но так как голос у мамы был громкий, уходили мы от дома достаточно далеко;
-никогда не обманывать, говорить только правду. И мы знали - за обман могут наказать, а за правду, какой бы она ни была, лишь пожурят.

Иногда родители устраивали общие с нами игры. Как мы их любили (игры и родителей, конечно)! В эти минуты нам разрешалось всё. Мы скакали, прыгали, боролись с родителями, забирались им на плечи, на головы, смеялись и визжали от восторга. Это продолжалось до тех пор, пока кто-нибудь из родителей не скажет: "Всё, ребята, игра закончена!" Было трудно выйти из состояния эйфории, мы садились рядом с родителями, ласкались и прижимались к ним и постепенно успокаивались.

Позднее порядок поведения детей перекочевал в мою семью с небольшим дополнением. В нашем доме, в соседнем и в школе были свои котельные, отапливаемые каменным углем. На улице сажи было предостаточно, да еще ЦЭС завода буквально засыпала город каменноугольной золой. Поэтому нашим детям было поставлено строжайшее условие - из школы, не играя, прямо домой! Дома переодеться, и тогда можно идти гулять. С улицы сыновья приходили больше похожими на негров. Чистыми были лишь глаза и зубы.

Во время моего детства никаких благоустроенных детских площадок не было и в помине. Но игр у нас было предостаточно, одно только перечисление впечатляет: прятки, 10 палочек (тоже прятки), во-башики (салки), лапта, круговая лапта, скакалки на доске, скакалки через веревку, качели под сеновалом, чижик, городки, шарик и, наконец, футбол.

Так как у нас была корова, я уже к 12 годам умел грести сено, пилить и колоть дрова, доить корову и многое другое. Дальнейшая жизнь меня не баловала и к 17 годам я уже умел запрягать лошадь, пахать на ней и боронить, косить траву, жать вручную хлеб, вязать снопы, ставить бабки и класть клади, вершить стог.

Где стоял яблочный аромат

В 1936 году я закончил четвертый класс в школе №2 и уговорил своих друзей Афоню Батагова и Аркашу Копысова, учившихся в школе №10, записаться в мою школу. Моя агитация подействовала, и 1 сентября мы пошли в одну школу и даже в один класс. Правда учиться вместе нам пришлось недолго. Папу перевели на работу на Выксунский металлургический завод заместителем главного инженера, и мы из Лысьвы уехали.

26 сентября мы учились последний день, а папа последний день работал. Вечером на поезде Чусовская- Бердяуш мы отправились в путь. Мы - это наша семья и бабушка Катя. Дядя Серёжа снял в частном доме на ул.Шайдурова, 45 комнату и ос-

тался в Лысьве. В Выксу мы приехали вечером 28 сентября. Нас встретили на лошадке и повезли в дом №8, на улице Красных Зорь. 29 сентября, это был последний день шестидневки, мама пошла записывать нас в школу, и уже 1 октября мы учились. Меня записали в 5 г класс.

Город застраивался очень умно. Лес, перелески не вырубались, а застройка велась лишь на пустырях. Наш новый дом находился возле соснового бора, который начинался уже во дворе. 30 сентября в базарный день мы с мамой пошли на рынок. Для нас этот рынок был каким-то чудом. Стоял яблочный аромат, и чего там только не было. Столько мяса, что нам и во сне не снилось. Особое впечатление на меня произвели торговцы луком. Перед каждым была насыпана "сопка" лука до полуметра высотой, в специальных металлических ваннах плавала готовая к продаже живая стерлядь. Её продавали только живую, так же, как кур и месячных поросят. Яблок и помидоров было море. В это время года самыми дешевыми были яблоки, затем огурцы и наконец картошка.

На уроках в школе я был самым дисциплинированным учеником, вел себя "тише воды, ниже травы", соседу по парте разговорить меня было невозможно. Поэтому меня садили за одну парту с самым непоседливым учеником. Совершенно по-другому я вел себя на перемене - буквально ходил на голове, бегал, скакал, боролся... Классная руководительница, а затем и заведующая школой несколько раз вызывали маму, даже демонстрировали мои "художества", ничего не помогало. Надо отдать должное учителям: мне ни разу не снизили оценку по поведению. Сейчас я могу с уверенностью сказать, что, не зная в то время пословицы "делу - время, а потехе - час", я именно так и жил.

В Выксе кроме металлургического завода были заводы медицинского и дробильно-размольного оборудования. На заводе ДРО на базе шасси автомобиля ГАЗ делали броневики, которые из винтовок обстреливали. Бракованные изделия завода медицинского оборудования и отстрелянные гильзы с завода ДРО выбрасывали на отвал, поэтому у всех мальчишек был полный набор пинцетов, щипцов, хирургических зажимов и десятки обойм с отстрелянными (по 5шт.) гильзами.

Закончилось счастливое детство

Сосновый бор, который начинался во дворе нашего дома ,- это был и чистый воздух, и прохлада в жару, и шишки для самовара, и обилие маслят. Мы очень любили грибы, особенно в пирожках. Так было и в этот раз. Сережа захотел пирожков с грибами и попросил маму их испечь. Мама сказала: "Вставай завтра пораньше и иди за грибами". 28 июля1937 года утром Сережа принес грибы, и к обеду пирожки были готовы. Но к обеду (а обед у нас всегда был, когда папа приходил с работы) папа пришел не один. Его сопровождали люди в черных шинелях, несмотря на жаркое лето, с револьверами, а один даже с винтовкой. Он встал у входной двери. В наш дом пришли три такие группы: две в наш подъезд и одна в первый.

Как стало известно на другой же день, таких групп было 15. Несколько недель тому назад было арестовано 15 руководителей металлургического завода, и вот вторая очередь, и снова 15. В квартире начался обыск, все перевернули вверх тормашками, даже детские кровати. Обыск ничего не дал. Тогда забрали папино ружье и мои гильзы. Порох почему-то оставили, как потом выяснилось, не только у нас. Я спросил: "Зачем Вы берете мои гильзы?" Мне ответили: "Молчи, щенок..." Мама, хоть и плакала, но вела себя достойно. По окончании обыска ей "великодушно" раз-

решили накормить папу обедом, с этими, запомнившимися на всю оставшуюся жизнь, пирожками.

В семье после ухода папы наступило какое-то уныние. Закончилось наше счастливое детство. Мама несколько дней подряд ходила в НКВД, чтобы узнать за что папу арестовали, но так ничего и не добилась. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. В конце-концов ее предупредили: "Будешь надоедать, и тебя арестуем." Этим ее походы в НКВД и закончились. НКВД все может. А как тогда дети? Кормильца нет, но жить-то надо. Мама каждый день ходила в поисках работы, но жена "врага народа" была никому не нужна, все боялись. За два месяца мы проели два велосипеда. Безотцовщина привела к тому, что мы соломинки начиняли порохом и "запускали" ракеты. В лесу устраивали взрывы. Нам повезло, что никто не обжегся, никто не пострадал.

31 августа мы пришли во двор школы на линейку. Я как самый высокий в классе стоял первым на первом фланге. И вдруг мальчишка из класса, который стоял против нас, говорит нашей учительнице: "Что это Вы сына врага народа поставили первым?" Для меня это был первый удар, оскорбление и унижение, которых потом было предостаточно. Мальчишку звали НИНЕЛЬ, что при обратном прочтении звучало ЛЕНИН. Отца у него не было, а мать была активисткой, коммунисткой со стажем, заядлым борцом с "врагами народа", поэтому и ее, и сына знала вся школа. Учительница наша смутилась, видимо, испугалась - она знала чем может закончиться такое обвинение и переставила меня в конец шеренги. А я на фоне малышей, рядом с которыми стоял, резко выделялся.

Жизнь текла. Мы учились, играли... На болотах так же звонко пели лягушки, базар наполнял ароматом яблок всю округу, но дома многое изменилось. Не стало улыбок, смеха... Мама стала непривычно серьезной, а бабушка совсем перестала улыбаться. Так продолжалось ровно два месяца. 29 сентября мы вернулись из школы, а у нас дома снова люди в черных шинелях - они пришли арестовывать маму. Мы были ошарашены, маму-то за что? Через 50 лет стало известно, что маму арестовали за то, что она якобы "после ареста мужа, врага народа, среди детей, родственников и знакомых клеветала на советскую власть, высказывала контрреволюционные настроения"(???)

Мама, как в свое время и папа, сидела в кухне, из которой ее не выпускали. Нам сказали: "Соберите свои вещи!" Но что мы могли собрать, когда мне, старшему, было лишь 12 лет. Бабушка собрала нам одежду и завязала в наши же одеяла, получилось три не очень больших узла. Сережа и Таня молчали, словно набрав полный рот воды, а я потребовал, чтобы мне отдали портфель и карманные часы, которые папа мне подарил за окончание 5 класса. Портфель мне отдали, а про часы сказали, что они отцовские, о чем на задней крышке есть надпись. Я настаивал, что они мои и висят над моей кроватью, и тогда мне отдали папины, которые он постоянно носил. Нас, да и не только нас, погрузили на телегу и увезли в горотдел НКВД, посадили в КПЗ - камеру предварительного заключения. Набилось там ребят, как сельдей в бочке.

Бабушке предложили собрать свои вещи и в течение суток покинуть Выксу. Куда уехать? Это никого не волновало. Вещей-то у бабушки было всего ничего: одежда и настенные часы MOZER еще XIX века .Но часы ей не отдали, сказав: "Откуда у такой старухи такие часы? "На другой день с узелком своих вещей она покинула Вы-

ксу. После того, как нас реабилитировали, даже следов нашего имущества найти не удалось.

В числе малолетних «врагов народа»...

Два дня мы провели в КПЗ. Обедать нас водили строем в столовую, которая находилась на другой от НКВД стороне площади, метрах в ста-ста пятидесяти. Впереди шел милиционер с револьвером в руке, сзади - с винтовкой. Зевак было много, особенно детей, люди смотрели, как под охраной ведут малолетних "врагов народа". Что в это время чувствовали мы, дети, сейчас трудно себе представить. Зачем нас охраняют, если бежать нам все равно некуда, когда нас вернут к родителям, почему мы денно и нощно должны сидеть в тюрьме, когда все ребята ходят в школу играют на улице, а мы чем хуже?

На третий день нас разбудили рано, погрузили в грузовик и под охраной милиционера с винтовкой повезли. Куда? Приедем - узнаете. Через некоторое время мы оказались на пристани Досчатое на Оке, что в 8 км от Выксы. Вскоре пришел пароход "Софья Перовская". Нас посадили на пароход, и мы поплыли... Охранника уже не было, а был лишь один сопровождающий — энкаведешник. К вечеру мы были в Горьком. Наши узлы погрузили в телегу, и мы пошли... Уже смеркалось, куда шли - не знали. Наконец подошли к огромным железным воротам, они открылись, и мы вошли внутрь. На другой день выяснилось, что нас привели в детприемник НКВД, расположенный в бывшем монастыре, обнесенном толстенной и высокой каменной стеной. Вещи наши куда-то убрали, а нас, мальчишек, привели в огромный сводчатый зал, видимо, бывший храм, в котором рядами стояли десятки кроватей.

И потекла наша однообразная лагерная жизнь. Но в любом темном царстве вдруг обнаруживается луч света. Таким лучом света в детприемнике был его начальник дядя Коля Бочкарев.К детям он относился по-отечески, был добр и внимателен. Видимо, поэтому из всех работников детприемника запомнился он один. Однажды, чтобы скрасить наше безделье, дядя Коля предложил нам подзаработать - распилить дрова. Мы - это я, мой друг Юра Соболев и брат Сережа, с радостью согласились. Распилили 3 кубометра дров и заработали по рублю. Это был мой первый в жизни заработок.

В детприемнике мы прожили полмесяца. Числа 15-16 пришел дядя Коля и сказал, что сегодня мы уезжаем в гор. Халтурин в детдом. Вечером пришли два грузовика, нас вместе с нашими узлами погрузили и отвезли в порт. Порт, не в пример городу, был ярко освещён, у дебаркадера стоял двухпалубный пароход "Иван Шмелев". Отправляли детей врагов народа только выксунских и муромских. У муромских родители были в основном бывшие работники КВЖД. Как только мы зашли на пароход, ребята бросились занимать места, я этого сделать не мог, не мог допустить, чтобы мы потеряли друг друга. Мы стояли возле борта, Сережа пытался, было, тоже бежать, но я ему не разрешил, и он меня послушался. Подошел дядя Коля: "Ну что, Гунькино семейство, вы еще не разместились? Ждите, сейчас я приду." (В детстве мы брата звали Гунька, от Сергунька). Вскоре он появился и привёл нас в трехместную каюту. Мы были вместе. Я, тогда двенадцатилетний мальчишка, опасался, чтобы нас не разлучили. Уже тогда понимал, что я старший, и моим брату и сестре помощи и защиты, кроме как от меня, ждать неоткуда.

Через день-два нас высадили на пристани Соколки, в устье Вятки. С нами ехало муромское семейство - наши ровесницы Демины, и у них еще был брат лет 4-5, так его не высадили, а повезли дальше, как сказал сопровождающий, в Сарапул. Вот так

терялись дети. Была вторая половина октября, навигация подходила к концу. Мы долго ждали пароход, наконец появился "Бабель", и мы поехали дальше. На "Бабеле" были большие каюты на 5-6 мест, мы с братом заняли места в одной
из них, а над сестрой взяла шефство наша бывшая соседка, девочка, года на 3 старше меня. Я стою на палубе, прибегает Сережа: "Митька, а меня Алексеев выгнал из каюты!"

- Почему выгнал, он же не в нашей каюте?

- А он сказал, что на моем месте будет спать его брат.

Я пошёл восстанавливать справедливость. Старший Алексеев, мой ровесник, почему-то не захотел ехать в одной каюте с братом. Я пришёл в каюту, вывел в коридор младшего Алексеева и сказал, чтобы он шел в каюту к своему брату. Но тут же появился Алексеев-старший в надежде кулаками доказать свое верховенство. Он был парень хулиганистый, задиристый, верховода, что я заметил еще в приемнике, и считал, что кулаками вопрос решит. Мне второй и последний раз в жизни пришлось участвовать в кулачном бою. Но был я не слаб, причем мое дело было правое. Оказалось, что Алексеев еще и трусоват, быстро понял, что я его не боюсь, и тут же ретировался.

На каждой пристани местные жители продавали лещину-лесной орех. И мы не отказывали себе в удовольствии его покупать. Ведь мы с братом в детприемнике заработали по рублю, а стакан орехов стоил 7 коп. На пристани Медведок нас высадили, а "Бабель" ушел в затон. На пристани мы прожили несколько дней, столовой там не было, и питались хлебом и не первой свежести вареными яйцами.

Наконец сопровождающие нам говорят: "Собирайтесь, ребята, едем дальше!" Мы собрались, пришли на пристань, а там стоит буксир "Трактор". Он не был пассажирским пароходом, поэтому никаких кают там не было. В трюме были двухэтажные нары, постельного белья и подушек не было. Деревянный пол был убран, потому что буксир тоже готовился идти в затон. Пассажирами были только мы. Немногим более суток мы шли до Котельнича, на палубу нас не выпускали, да ее и не было. Питались мы все теми же полупротухшими яйцами. От нашего отплытия из Горького прошло уже более 10 дней. Сопровождавшие оказались на мели - яйца закончились и деньги тоже. Они дали на последние деньги в детприемник телеграмму, что группа находится в Котельниче без еды и без денег. Правда, им удалось договориться, видимо, через местное НКВД, и нас поселили в "гостиницу", дважды в сутки кормили в столовой. Наконец из Горького приехал третий энкаведешник, рассчитались с "домом крестьянина" со столовой, купили билеты на поезд, и наше путешествие продолжилось, теперь уже сухопутным транспортом по железной дороге. Часа через два мы высадились на станции Оричи. Было это 31 октября 1937 года.

Вместо суток на поезде мы 15 суток добирались до Оричей на перекладных. Погода была хорошая, и мы на улице играли в подвижные игры, тем более что осенняя прохлада уже чувствовалась. У сопровождающих снова болела голова - как добраться до Халтурина, до которого, по словам аборигенов, 22 версты. Когда уже начало смеркаться, появились два грузовика. Мы уже были людьми опытными, быстро заполнили кузова автомашин и отправились в путь. Было уже почти темно, когда мы подъехали к Вятке, а Халтурин был на другом берегу, паром уже не работал. Шофера машин стали гудеть и мигать фарами. К нашему счастью паромщики еще не разошлись, и паром направился к нашему берегу. Наконец наше более чем двухне-

дельное путешествие закончилось. Мы на земле города Орлов, который более 70 лет, с 1923 года, носил имя террориста Халтурина.

И началась детдомовская жизнь...

Самый ближний к переправе детдом №1.Там нас всех и высадили. Еще днем наши сопровождающие дали туда телеграмму. Нас встречали, как потом выяснилось, две замечательное женщины - заведующая детдомом Евдокия Михайловна Заровнядная и завуч Ольга Петровна Банникова. Нас тут же положили спать в зале, в котором проводились все торжественные мероприятия.

Утром 1 ноября появились воспитатели из второго и третьего детдомов и забрали "своих" ребят. Старшими ребятами, которые остались в нашем детдоме, были: восьмиклассник Юра Неймарк и шестиклассники Бодя (Продикт) Усольцев, Нюра Дёмина и я. Нас в тот же день записали в единственную в городе среднюю школу №2, и уже 3 ноября мы пошли в школу. В школе было три шестых класса и в каждый попал один из нас. Е.М.Заровнядная торопилась - ведь уже больше месяца мы не учились. Но не все получилось гладко, если с нами все получилось хорошо, Таня-третьеклассница вместе с учениками с 1 по 3 класс строем пошли в начальную школу, то с единственными четвероклассниками Ниной Деминой и Сережей произошла заминка, в школу они смогли пойти лишь 10 ноября. Началась наша почти двухлетняя детдомовская жизнь.

Много замечательных людей я встречал на своем жизненном пути .Одним из них была заведующая нашим детдомом Е.М.Заровнядная. Нам несказанно повезло, что мы оказались в детдоме №1.У нас была "большая дружная семья".В двух других детдомах, особенно во втором, творилось что-то ужасное - постоянные прогулы школы, воровство, драки, избиение младших и даже воспитателей - мужчин. Е.М. всю свою жизнь посвятила детям-сиротам, так и не вышла замуж, но для всех детдомовцев была и мамой, и старшим товарищем, и строгим судьей. Была она добра и строга одновременно. Когда она появлялась среди детей, то девчонки липли к ней, как мухи на мед. Такой же была и завуч Ольга Петровна Банникова. Молодая, энергичная, часто веселая, детей она любила не меньше своей старшей коллеги. Детям, казалось, она отдавала всю себя. Часто, по окончании ее рабочего дня, она оставалась в детдоме и читала нам книги. Для всех нас, от первоклассника до семиклассника, это были самые желанные часы.

В Лысьве, а затем в Выксе была учебной шестидневка, выходными днями считались 6,12,18,24 и 30 число каждого месяца. В Халтурине же и учебной, и рабочей была неделя, как в сельской местности. Мы впервые узнали названия дней недели.

Однажды в детдом приехала комиссия из области и обнаружила "вопиющее безобразие" - в детдоме для младших школьников оказались восьмиклассник и шестиклассники. Фантастика! Комиссия потребовала немедленного перевода нас во второй, а восьмиклассника в третий детдом. Нас вызывали по одному и говорили, что, находясь в первом детдоме, мы нарушаем Советские законы. Законов я не знал, но уходить от брата и сестры в другой детдом не собирался. Чувствуя свою ответственность за младших, я не мог себе представить, как они будут жить без меня. Не знаю, что говорили комиссии мои однокашники, но я, может быть, впервые в жизни, твердо заявил, что младших не оставлю. Даже, если меня переведут в другой детдом, даже если увезут в другой город, я сбегу и вернусь к брату и сестре. Я так заявил, потому что такой пример был еще свеж в моей памяти. Нашего воспитанника Кебешева (даже фамилию запомнил) почему-то дважды переводили в дет-

дом в город Советск, и он дважды возвращался. И от него отстали. Я больше чем уверен, что нас с Нюрой Дёминой поддержали Евдокия Михайловна и Ольга Петровна, и нас оставили в покое.

Я подружился с единственным мужчиной в детдоме, конюхом дядей Васей, он очень хорошо ко мне относился и часто брал с собой в поездки. Научил меня запрягать лошадь, очень красивого, статного жеребца. Научил чистить коня. Летом мы водили его на Вятку купаться."Митя, запрягай Орлика, - говорил дядя Вася, - повезем белье в стирку". Пока я запрягал коня, он грузил в телегу белье. У детдома было картофельное поле. Пахать дядя Вася мне не разрешал, но, когда появлялись первые всходы, мы ехали в поле. Дядя Вася садился под кустики в тень, а я боронил поле. Позднее жизнь научила меня делать все крестьянские работы. В восьмидесятые годы, когда каждому цеху и отделу завода поручали заготовку сена, мои коллеги были немало изумлены, увидел, как главный механик, инженер, казалось бы, стопроцентно городской житель, косит литовкой не хуже выходцев из села.

Школа, в которой я учился, стояла на высоком берегу Вятки. Она чем-то напоминала мне родную школу №2 в Лысьве, но была больше. В конце апреля 1938 года у нас был урок литературы, который вела наш классный руководитель, очень строгая учительница Клавдия Степановна Честикова. На её уроках стояла абсолютная тишина. А тут где-то раздался треск. Все ребята повскакали с мест, и побежали к выходу. Я не могу понять в чем дело, учитель молчит, значит, все правильно, побежал и я. Коридор, как по мановению волшебной палочки, заполнился бегущими детьми, и тут же опустел. Оказывается, на Вятке начался ледоход, и вся школа, ученики, учителя, технички были на берегу. В школе не осталось ни одного человека. Это был праздник! Начало ледохода - это совершенно незабываемое зрелище. В 1939 году ледоход на Вятке тоже начался во время урока, но у меня уже был опыт и я "летел"из класса в числе первых.

Весной 1939 года секретарь комсомольской ячейки детдома Ольга Петровна решила, что меня пора принимать в комсомол. Она сказала: "Митя, ты уже вырос, твое поведение и учеба говорят, что тебе пора вступать в комсомол. Готовься. Вот тебе устав и программа. Учи! На ячейке будем тебя принимать". Мне это предложение льстило - Ольга Петровна считает меня уже взрослым человеком. Через некоторое время она проверила мои знания и осталась довольна. Наконец позвала меня на заседание ячейки. В ячейке было три комсомольца: Ольга Петровна-секретарь ячейки, Анфиса Петровна - воспитатель детдома и руководитель авиамодельного кружка, я ходил в этот кружок. Все трое меня хорошо знали. Меня приняли в комсомол, но решение ячейки нужно было утвердить на бюро райкома комсомола.

В приемной райкома нас было человек 10. Я оказался рядом с девочкой из третьего детдома. Оказывается, она тоже училась в нашей школе, в параллельном классе и была на месяц старше меня. Вызвали всех, а мы, детдомовцы, остались на закуску. Наконец дошла очередь и до нас. Вызвали девочку. Когда она вышла и сказала, что получила комсомольский билет, я ее поздравил. Последним вызвали меня.

Знание устава и программы у меня не спрашивали. Спрашивали как учусь, как веду себя, кто у меня друзья, есть ли у меня братья и сестры и чем они занимаются, участвую ли я в общественной работе и т.п. Наконец, как я оказался в детдоме, за что арестовали родителей, почему из детдома нас не забрала мама, хотя из тюрьмы её выпустили. Я подробно ответил на вопросы, кроме одного, за что арестовали ро-

дителей - не знаю. Решение бюро мне не объявили, хотя остальным объявляли тут же, и предложили подождать в приемной.

Через несколько минут меня снова пригласили и объявили, что утвердить решение ячейки бюро не может, потому что мне нет еще 15 лет. Я все понял, девочке, с которой я сидел в приемной, тоже было еще 14 лет. Просто дети "врагов народа" комсомолу не нужны! И это в то время, когда на всех углах только и слышалось: "Сын за отца не ответчик".

Долгожданный приезд мамы

Да, мама к нам приезжала. Случилось это в конце зимних каникул.7 января 1939 года. Маму и ее товарок, которых еще не успели сослать в "Карлаг", из тюрьмы выпустили, не извинившись, не сказав ни слова, за что 15 месяцев продержали в тюрьме, не выплатив какой-либо компенсации за отравленную молодость (маме было 33 года). Дали справку и билет до Выксы. Женщины и не спрашивали "что и как", прекрасно понимая, что любой вопрос может снова обернуться против них. Было единственное желание поскорее убраться из Мурома, подальше от тюрьмы. В Выксе остановиться было негде, но в НКВД это никого не волновало. В нашей квартире, как рассказали маме, жил начальник Выксунского НКВД. Маму
приютила на 2-3 дня не очень знакомая женщина, которая понимала, что рискует, но осталась Человеком. За эти дни маме вернули паспорт и выдали 4/5 от суммы вырученной от продажи нашего имущества — 6000 рублей. Почему 4/5, потому что папину долю не выдали. Сказали, что когда вернется, тогда и получит, а папа "тройкой" был осужден на 25 лет. Вернулся через 10 лет, но ничего не получил - имущество конфисковано не было, и куда оно делось, не известно.

Получив деньги, мама сразу поехала за нами в Халтурин. За два дня она обменялась с бабушкой телеграммами и узнала где мы. Но где бабушка, она тоже не знала, поэтому телеграмму отправила брату Сергею, а бабушка оказалась у него. Однажды утром мы поднялись в столовую на второй этаж и о, чудо! - мама! Словами наши чувства передать было невозможно. Мама снова с нами! Ее приезд встрепенул не только нас, ее детей. Она стала мамой для всех детдомовцев. Почти все, а девочки - все, называли ее мамой. Прошли 2-3 дня, которые оставались до конца каникул, и мама нам объявила, что уезжает к бабушке, а как только закончится учебный год, приедет за нами .Мы были расстроены, плакали вместе с мамой, но стало немного легче, потому что мама уже на свободе, и мы знали, что жить в детдоме нам осталось 5 месяцев. В окошке появился свет, исчезла неопределенность, у нас появилась цель - после окончания экзаменов в школе уедем с мамой домой, для нас дом был там, где была мама.

Но почему все-таки мама, которая никуда не заезжая, приехала сразу за нами, нас так и не забрала? Ответ на этот вопрос мы получили позже, когда стали уже взрослыми. Мама появилась в детдоме поздно вечером, приехала на последнем пароме, когда мы уже спали. В детдоме из взрослых была лишь одна ночная няня. Приезд мамы в то время в детдом было событием неординарным. Это сейчас у детдомовцев есть часто не только мама, но и папа, а тогда их либо не было, либо они, как у нас, сидели в тюрьме. Няня маму в спальню не пустила и пошла советоваться к нашей кастелянше, которая жила с мужем вверху в мансарде. На совете решили, что муж кастелянши, который к детдому никакого отношения не имел, а работал сторожем в банке, должен пойти и об этом сообщить Евдокии Михайловне.

Очень скоро появилась Евдокия Михайловна. Она тоже была возбуждена - не каждый год в детдом приезжает мама. Возбуждена настолько, что попросила маму не говорить сейчас о делах. Сказала: "Мы Вас устроим, напоим, накормим. Дня два Вы у нас поживете, и мы с Вами все решим". Евдокия Михайловна была очень мудрой женщиной. Но мама хотела видеть своих детей немедленно.

- Я не видела их почти полтора года!

- Хорошо. Дети уже спят. Я их Вам покажу, если вы пообещаете мне не плакать, не произносить ни одного слова и не трогать их, чтобы не нарушить их сон. Вы представляете, что если проснется хотя бы один ребенок, тут же проснутся все пятьдесят!Сна не будет ни у Вас, ни у меня, ни у детей.

Евдокия Михайловна проводила маму в спальню, показала ей ее спящих детей, и мама в какой-то степени успокоилась. Более того она прониклась к заведующей уважением. Она поняла, что если для нее детьми были только мы, то для Евдокии Михайловны детьми были все ее подопечные. Два дня между ними шли "переговоры". Мама настаивала, чтобы детей ей отдали немедленно. Ее решение было стопроцентно эмоциональным. Евдокия же Михайловна, предлагая маме свой план, исходила из огромного опыта работы с детьми, каждый из которых для нее был родным.

- Почему Вы настаиваете на том, чтобы забрать детей немедленно? У Вас есть место, где Вы сразу по приезду с детьми будете жить?

- Я еду к маме, которая живет с моим братом.

- Вы были там, видели, как они живут?

- Нет, не видела.

- Вы уверены, что там места и условий хватит еще на четырех человек?

- Не знаю.

- Сейчас зима. Вы сорвете детей с учебы, чтобы привезти их неизвестно куда. Один раз в позапрошлом году они уже пропустили почти полтора месяца учебы, вы хотите это повторить? Числа 12 июня у детей заканчиваются в школе экзамены, после этого приезжайте в любой день.

Так решилась наша дальнейшая судьба. Здравый смысл возобладал над материнской любовью и, как показала жизнь, все было сделано очень правильно.

И снова - в Лысьву

Бабушка наша с дядей Сережей жила в комнатушке размером не более 12 кв. метров. Вскоре после приезда мамы дядя Сережа заболел скоротечной чахоткой и в начале мая умер. За прошедшее до июня почти полгода мама так и не смогла найти работу. Никому не нужна была бывшая арестантка, да к тому же еще и жена "врага народа". Вроде, она уже на свободе, но нет работы, а следовательно и средств к существованию. Брата, который всеми силами старался помочь сестре, не стало. Деньги, полученные в Выксе за проданное имущество, таяли на глазах. Вопросы, вопросы... Наша жизнь в детдоме текла своим чередом, но у нас уже была цель - вот сдадим экзамены, и за нами приедет мама.

Мама, несмотря ни на что: ни на отсутствие работы, ни на отсутствие каких-либо перспектив устроиться на работу, ни на отсутствие жилья - решила за нами ехать. Правда, попросила Стафеевну пустить ее с детьми. Та сказала: "Пусть приезжают, поживем - увидим".

Как бы сильно мы ни ждали маминого приезда, он для нас снова стал неожиданным. Мама приехала, и уже на следующий день мы отправились в путь. Евдокия

Михайловна где-то договорилась, и на попутном грузовике нас довезли до Оричей. Провожали нас всем детдомом. Через две пересадки, в Молотове и Калино, мы, наконец, добрались до Лысьвы.

Город встретил нас зноем, дымом заводских труб, черными избами и полным отсутствием зелени. Только на улице Х-летия Октября росли тополя, посаженные еще Зануцци да Заболотная смотрелась из города, как зеленый островок. После чистых Выксы и Халтурина Лысьва производила удручающее впечатление. Домой мы шли по тротуару, который на высоченных стойках был проложен между заводом и железной дорогой. Тротуар построили, когда перекрыли проход между металлургическим и механическим заводами, но просуществовал он недолго, уже в войну с вокзала в город ходили по железной дороге. Наконец мы дома, бабушка встретила внуков слезами радости.

Мама занималась хозяйством и почти ежедневно ходила в поисках работы. Я занимался выпиливанием, мама подарила мне лобзиковый набор, и очень много читал.

В Халтурине я закончил неполную среднюю школу, и сейчас мне нужно было, не теряя времени, записаться в восьмой класс. В городе было много неполных средних школ, да еще Заимская и Большелысьвенская, а средних лишь две. В восьмой класс принимали далеко не всех. Мама спросила меня: "Может быть, ты пойдешь в техникум? Ведь еще неизвестно, как сложится наша жизнь, а ты через 4 года уже будешь специалистом". Но я уже давно решил для себя, что буду, как папа, инженером, и идти в техникум отказался. Тогда мне еще было невдомек, что если бы я пошел в техникум, то стипендия была бы маме большой помощью. Пошел я в школу №3, и меня безоговорочно записали, потому что свидетельство об окончании семи классов было очень неплохим.

Прожили мы на Шайдурова чуть больше месяца, и хозяйка-Стафеевна маме отказала - три сорванца действовали ей на нервы. Маме прибавилась еще одна забота - поиск жилья. Наконец она нашла комнатушку, больше похожую на конуру, на ул. Цветочной 10. Но совершенно случайно от своих старых знакомых мама узнала, что родители жены начальника ЦЭС переезжают жить к зятю, а флигерек будут сдавать. Маме удалось договориться, и мы переехали на Ярославцева, 32а. Вечером пришла мамина старинная подруга, лучшая машинистка города, Апполинария Ивановна Жданова, и сказала, что ОКСу завода требуется секретарь-машинистка. Утром мама побежала в ОКС, который располагался в теперешней баклаборатории. И, о счастье, маму приняли на работу - 15 августа у нее была первая смена.

Опять незадача, как мне перейти в родную школу №2, до которой два квартала, а до школы №3 7 кварталов. Пошёл в третью школу за документами, но мне их ни в какую не отдают: "Чётная сторона Ярославского переулка - это наш район. Всё". Никакие мои доводы не помогли .Пришлось идти маме, но и ей документы не отдавали. Последним был довод: "Вам так нужен сын врага народа?" Подействовало магически и безотказно. Документы тут же отдали.

1939 год был особым в жизни страны. Устанавливалось, что мужчины, имеющие среднее образование, в армию будут призываться не с 20, а с 18 лет. Обучение в средних и высших учебных заведениях будет платным: 150 рублей в год в средних и 300 рублей в высших учебных заведениях. За прогул или появление на работе в нетрезвом состоянии - увольнение, без права поступления на работу в течение 3 месяцев - "волчий билет".

Родители да и бабушка никогда с нас не требовали хороших оценок. Бабушка посчитала, что мы могли учиться лучше, исследовала дневники и установила таксу: платила 20 коп. за отлично, 10 - за хорошо, вычитала 50 коп. за посредственно и 5 руб. за оценку плохо. Она посчитала, что учиться мы будем несколько лучше, и ее ресурсов хватит, чтобы оплатить нашу хорошую учебу. Но просчиталась. Из наших дневников исчезли все оценки кроме отлично. Бабушка была разорена, и эксперимент закончился.

У нас появились новые домашние заботы: нужно было напилить и наколоть дров, принести из колонки за 3 квартала воды, убрать золу, вымыть пол. Иногда я, когда учился в первую смену, под бабушкиным руководством, готовил обед. Маме "дали" мануфактуру, как тогда говорили, хаки и саржу. Мама от знакомых принесла старинную швейную машинку Попова, и я под бабушкиным руководством из хаки сшил себе толстовку и брюки, а из саржи себе и брату по рубашке.

Папа был не осужден, потому что суда не было, а приговорен к 25 годам лишения свободы. Мама никак не могла согласиться, что ее муж преступник. Брала несколько дней в счет отпуска и ехала в Москву хлопотать за мужа. Ее усилия не пропали даром, дело пересмотрели и срок заключения снизили до 8 лет. Он находился в лагерях без права переписки, но письма, хоть и очень редко, от него приходили за чужим именем и на бабушкину фамилию. И среди воров были хорошие люди. Фамилия Мокроносов ни на конверте, ни в письме не упоминалась. Даже когда бабушка умерла, письма шли на ее фамилию.

За неделю до начала войны...

Однажды, летом 1941 года, когда мы в школьном дворе играли в волейбол, пришел Сережа Аргучинский и сказал, что он поступил на завод работать. Мы обсудили это событие, большинству из нас работа была ни к чему - худо-бедно родители обеспечивали. Мы же с Геной Смердовым решили завтра же идти поступать на завод. Маме я ничего не сказал, но наутро 14 июня пошел в отдел кадров. Нас с Геной приняли штамповщиками в штамповальный цех. Начальник цеха Г.А. Подшивалов сказал: «Завтра, в воскресение, выходите на работу к 0 час. 40 мин. к бригадиру Хлебникову».

15 июня был выпускной вечер 10 класса, а девятиклассники были гостями. Мы с Геной в половине двенадцатого вынуждены были покинуть вечер, чтобы идти на свою первую в жизни рабочую смену, вернее рабочую ночь. Нам было по 16 лет, но по действующим в то время законам подростки работали наравне со взрослыми. В первую же ночь нас поставили не к прессам, а грузчиками, вернее, подносчиками посуды. Мы были недовольны, но высказывать свое недовольство не смели.

22 июня, когда мы играли в школьном дворе в волейбол, пришло известие, что началась война с Германией, сначала мы думали, что это ненадолго, как на Халхин-Голе с Японией или, как с Финляндией, но скоро выяснилось, что это большая и тяжелая война. Уже после финской войны начались перебои с сахаром, а чтобы купить хлеба, очередь занимали с вечера. В очереди за хлебом стояли семьями, т.к. в одни руки давали не более двух килограмм. С начала войны ввели "заборные книжки", и вскоре их заменили карточками.

23 июня мы пришли на работу к 16-20. По окончании смены, когда мы уже собирались домой, нам объявили, что будем работать до 5 утра, а 24-го на работу выходить к 8 часам вечера. И началась двенадцатичасовая работа с часовым перерывом. Вы-

ходные ещё были. Позднее в воскресенье был переход, который назывался "восемь через восемь". .Я был высокий и крепкий юноша, видимо, поэтому меня одного поставили разгружать метровые не колотые дрова, и я, буквально надрываясь, через силу, не мог же я показать свою слабость, их разгружал. Это видел настройщик сварочных аппаратов Иван Феофилактович Пичугин, отец моего друга. Он понимал, что такая работа может испортить подростку всю жизнь и попросил мастера поставить меня, если не на пресс, то на раскатку. Так я стал раскатчиком штампованных изделий после отжига.

Мне, как новичку, чаще всего приходилось раскатывать кружки. Это была самая низкооплачиваемая, но не самая легкая работа. За смену по норме нужно было раскатать 2000 кружек, на одну кружку отпускалось менее 14 секунд. Для смены заготовок, по правилам ТБ, рабочий должен был остановить станок, но никто этого не делал, а мастер Ситников, единоначальник смены, старался этого не замечать, хотя травмы, пусть мелкие, в связи с этим были. Бригадир, чтобы поддержать низкооплачиваемых рабочих, давал им иногда "денежную" работу. Однажды получил такую работу и я - подрезку конуса для авиабомбы .Работа была лёгкая, норма низкая, а тариф высокий. Работал я, как всегда на совесть, за смену выполнил более двух норм и заработал более 70 рублей. Фантастика, потому что больше 10 рублей за смену никто не зарабатывал. Шорник тоже подрезал конуса, но заработал 35рублей, он меня отругал и больше я такой работы не получал. Спецодежду в то время не выдавали, но рабочий перед сменой шёл к кладовой. Возле неё на столе стояли масленки с маслом, стопками лежали выстиранные и отремонтированные рукавицы и кучки ветоши. Каждый брал такой комплект. После смены всё это возвращалось на свои места.

В июле я получил первую зарплату — 158 рублей. Это была почти мамина зарплата. С гордостью отдал ей все до копейки. Мамины глаза повлажнели, но она сдержалась и дала мне 10 рублей - на карманные расходы. Мама и раньше давала мне деньги, но это были деньги целевые - на кино, на танцы, на лодку, на обед в заводе, а это были мои деньги и я мог их расходовать на что захочу.

Слово директора школы Емельянова

Приближался новый учебный год, и мы с Геной решили, что пора с работы уходить, но начальник цеха накричал на нас, что мы устраивались на постоянную работу, а не на временную, что ни о какой учебе он и слышать не хочет... Мы были расстроены и выхода из создавшегося положения не видели. Ведь при поступлении на работу мы говорили, что хотим поработать во время каникул. Ну да что говорить о прошедшем! И решили мы пойти за помощью к человеку, который был для нас непререкаемым авторитетом - директору школы Борису Сергеевичу Емельянову. Он всех десятиклассников знал в лицо, а меня тем более, т.к. я был членом УЧКОМА.

Борис Сергеевич понял нас с полуслова, успокоил, сказал, чтобы мы подождали, а он позвонит и напишет Подшивалову письмо. Письмо было написано и тут же вручено нам. Б.С.Емельянов был авторитетным и уважаемым человеком в городе. Его встречи с А.В.Луначарским и М.И.Калининым, которые привели к строительству в Лысьве жилья и школ, ещё помнились, поэтому его слово много значило. Когда мы снова пришли к нач. цеха, он был уже в курсе дел. Тон его разговора был совсем иным. Он, иронизируя, даже похвалил нас: "Вы молодцы, нашли себе верного союз-

ника". И расчёт подписал. У нас же не было никакой задней мысли, мы шли к своему директору, и о его прежних заслугах ничего не знали.

Но тут в семье снова переполох. Сережа, только что закончивший 7 класс и переведенный в восьмой, получил повестку о призыве на "трудовой фронт" в ремесленное училище №2. Из его класса повестки получили далеко не все. Почему он получил, так и осталось тайной, покрытой мраком, но мы-то понимали: он тоже мечтал закончить среднюю школу и получить высшее образование. Выход оставался один: поступать в техникум, тогда хоть какая-то надежда на получение высшего образования сохраняется. Он подает заявление в техникум, выдерживает конкурсные экзамены и становится студентом техникума. Позднее их стали называть учащимися.

Не успели мы получить расчет с завода, как наш класс посылают в Олени на сенокос, на оказание колхозу шефской помощи. К концу месяца закончили сенокос и вернулись в Лысьву. 31 августа пришли на сбор в школу, и нам объявляют, что завтра весь класс едет в колхоз "Колос" в село Новорождественское на уборку урожая. Наши девочки во главе с нашим классным руководителем Агнией Ивановной Полуяновой убрали в колхозе все овощи, а парни обмолотили весь хлеб. 25 сентября мы закончили работу, получили по полпуда ржаной муки и 27-го отправились домой. Если в колхоз нас привезли на грузовике, то сейчас об этом можно было только мечтать.

Дороги после немногих осенних дождей стали непроходимы для автомобиля. Нам дали запряженную в телегу лошадку, погрузили мы свои пожитки, посадили возницу и Агнию Ивановну и отправились в путь. До Валюшино шли за телегой, а потом большая группа ребят, я в том числе, решила идти по старому кунгурскому тракту через Карповку, Запорную, Талую. День был солнечный, хороший, но на деревьях и на траве лежал сырой снег. Немного не дойдя до Карповки, устроили привал, разожгли костер, немного обсохли, съели по куску хлеба и двинулись дальше. На Талую не попали, поэтому вышли не к Заболотной, а к Соколу часов в 6 вечера. Дальше по железной дороге, и мы дома. 28-го пришли в школу, забрали свои манатки и муку, а 29 -го в понедельник начался наш последний учебный год в родной школе.

Очередей за хлебом не стало,так как. купить его можно было лишь по карточке, столько, сколько полагалось. Нормы были такими: иждивенцам - 500 г, служащим и учащимся-600 г, рабочим-800 г, рабочим вредных и тяжелых профессий - 1кг. Но вскоре эти нормы снизили на 100 г, кроме 1кг. В школе тем, кто присутствовал на занятиях, давали по 50 г хлеба. Заниматься этим должен был дежурный, но никому не хотелось. И как-то само-собой получилось, что этим постоянно стала заниматься Валя Демакова (Дерягина).Часто, видя как я "таю" на глазах, она лишний кусочек, оставшийся из-за отсутствия кого-то на занятиях, отдавала мне. За это я ей был благодарен всю оставшуюся жизнь. Лишь через 60 лет она мне рассказала, что у них была корова и недостатка в пище они не испытывали, и ей было жалко меня, постоянно голодного. Остальные карточки (мясо, жиры, крупа, сахар) "отоварить", как тогда говорили, практически было невозможно.

Рабочих на заводах катастрофически не хватало. Не помогало и то, что на "трудовой фронт" были мобилизованы все домохозяйки, привозили на заводы 14-17 летних ребят из деревень и мест, попавших под оккупацию. Кто-то решил призвать в ремесленные училища шахтеров и химиков учеников 10 классов, благо, им скоро всем будет 18 лет и им можно будет работать на химических предприятиях и под зем-

лей. Учеба остановилась, хотя до окончания школы нам оставалось не более 4 месяцев. Нас вызвали на медицинскую, а затем "мандатную" комиссию. Была такая комиссия, которая проверяла лояльность человека Советской власти. Комиссии проходили в доме партийного просвещения, где нынче музей. Мы были достаточно истощены, с дефицитом веса, как сейчас говорят, но никого это не волновало. Ученики всех трех десятых классов были признаны здоровыми и рекомендованы к призыву: мальчики в Кизеловское ремесленное училище, девочки - в Березниковское. Троих родители-начальники "устроили" на работу в завод. Это были В.Шавкунов, Г.Тимохов и М.Попова. Именно "устроили", потому что работали они на легких работах на восьмичасовой смене без ночных смен и с выходным днем. Если мы учились в первую или вторую смену, они работали вечером, если мы учились в третью смену, они работали с утра.

Мандатную комиссию прошли не все. Из нашего класса в неблагонадежных оказались, были забракованы и к призыву не рекомендованы трое: Люба Пашова, Таня Завьялова и я. Еще несколько человек из других классов. Остальным объявили: "Ждите повестки на отправление". Учеба шла плохо. Все, и ученики, и учителя, были в подавленном состоянии. Тем, кто "прошел" мандатную комиссию, учеба вообще была не нужна - все равно не сегодня, так завтра уезжать в ремесленное. Учителям и ученикам, которые не прошли мандатную комиссию, было непонятно, будет ли в городе 10 класс, если учеников останется меньше десяти. Такая неопределенность продолжалась больше недели. Большое начальство было, видимо, тоже на распутье. Наконец нам объявили: "Призыв отменяется, учеба в 10 классах продолжается". Здравый смысл восторжествовал, что в те годы случалось не часто. До сих пор не знаю, кто принимал решение о призыве десятиклассников на трудовой фронт и кто его отменил. Узнать было бы интересно, ведь это наша история.

В городе был страшный дефицит электроэнергии. В классах стоял полумрак. Керосина и свечек не было, и уроки мы учили при свете лучины. Нельзя было допустить, чтобы лучина погасла прежде, чем от нее зажгли следующую - спички были на вес золота. Хранительницей огня у нас была бабушка.

Заканчивался учебный год. Нас стало меньше. Призвали в армию Володю Пичугина, Гену Попкова, Сережу Аргучинского, Васю Спирина - им исполнилось 18 лет. На выпускном вечере нам объявили, что аттестаты нам выдадут лишь после того, как мы отработаем в колхозе. Завтра нам дается день на сборы, а послезавтра мы едем в колхоз "Труд Крестьянина" в Залесную. В колхозе мужиков не было, только старики, женщины и дети. Наша помощь колхозу было неоценимой. Мы делали все сельхозработы вплоть до того, что Витя Рылов работал прицепщиком на плуге. Вместо ушедших в армию ребят Вити Рылова, Коли Косвинцева, Юры Якунцова-, нам прислали замену, в числе которой был и мой брат. Маме как-то удалось договориться с техникумом. Младший брат снова оказался под моей опекой. В конце сентября наша работа в колхозе закончилась, и нас отпустили домой.

Знакомство с начальником цеха

Мама решила, что поступать на работу я пойду не сам, как это было в прошлом году, а моим трудоустройством займётся она. Частым гостем в стройконторе был начальник Уралсантехмонтажа, часто он давал маме заказы на печатание смет. Мама знала, что у него есть друг - начальник цеха №10 (С-10 - так он тогда назывался).

Мама обратилась к нему, и в субботу принесла письмо, в котором начальник С-10 Н.А.Оборин просил начальника отдела кадров направить меня в С-10 станочником.

В понедельник я пришёл в отдел кадров, начальник ОК Лимонов тут же меня принял. У него в кабинете сидел какой-то мужчина. Лимонов прочитал письмо и засмеялся, чем не мало меня удивил — в письме не было ничего смешного.

- Кто тебе писал это письмо?
- Оборин.

Сидевший в кабинете человек встрепенулся..

- А ты знаешь Оборина?
- Нет, не знаю.
- Николай Абрамович, а ты знаешь этого молодого человека?
- Нет.
- Ха-ха. А записку ты писал?
- Я и настаиваю, что бы ты направил его в мой цех, потому что я его нашел!

Так я познакомился со своим будущим начальником.

Мое оформление заняло несколько минут. Начальник цеха был здесь, и мне не нужно было с направлением ОК идти в цех, потом возвращаться за оформлением в отдел, и снова идти в цех, чтобы узнать в какую смену выходить на работу.

Н.А.Оборин сказал:

- Выходи на работу сегодня к 8 вечера. Знаешь где С-10?
- Да, в С-2.
- Нет, сейчас он в новом здании напротив С-2.
- Понял. До свидания.

Проходной №4 еще не было, и на работу приходилось ходить через проходную №2, делая большой крюк. В 8 вечера 5 октября 1942 года я был в цехе. Табельщица назвала мне мой табельный номер и направила к мастеру. Мастер, увидев перед собой большого парня, решил, что я способен работать на 2-х станках одновременно. До меня на них работали два мальчишки лет по13-14 - Максюта и Ведерников. Максюту мастер тут же поставил на другой станок, а Ведерникову поручил научить меня работать. Маленький, рыженький Ведерников на примере одной детали показал мне как надо работать и исчез. На этом моё обучение закончилось. Получилось, что вместо одного рабочего мастер получил сразу двух.

Я сразу стал зарабатывать две с небольшим тысячи рублей. На руки же получал гор-раз-до меньше. Из 2000 удерживали:

-подоходный налог - 219 руб.
-военный налог - 240 руб.
-за бездетность с 17.12.42 года -120 руб.
-культсбор -76 руб.
-госзаем -250 руб.

На руки оставалось -1085 рублей. Все равно это были деньги, на которые можно было купить 4 солдатских котелка картошки. Картошку в то время мерили в основном котелками. Еще когда я учился в 10 классе, занимался выпиливанием и делал детские игрушки и резные шкатулки. Мама где-то меняла их на картошку.

Дважды я сдавал игрушки в детсад возле нашей школы, за что меня кормили и давали котелок картошки. В марте 1942 года мы с Ирой Зязиной и их домработницей по весенней распутице ходили в деревни менять вещи на картошку. По снегу и воде мы

прошли через Лязгино, Захарово и лишь в Выломово мне удалось папины ботинки обменять на ведро картошки.

Чтобы не уснуть во время смены

Я продолжал работать на 2-х станках. Однажды на операции, предшествующей моей, заболел Максюта. Вместо трех станков работало два. Женщины старались, но сделать необходимое количество деталей не могли. Чтобы не ходить за каждой деталью, я садился на стул учетчицы, место которой было возле моих станков, и ждал пока накопится хотя бы 5 деталей. Но часов в 6 утра я уснул. Это было не виданным нарушением. Как мне потом рассказали девчонки, мастер Востроknутов не один раз прошел возле меня, но не разбудил. «Не видать тебе завтра ни стахановской бирки, ни хлеба!»

Проснулся я, когда на работу шла уже дневная смена. До конца смены я переработал все заготовки с предыдущей операции и расстроенный ушел домой. На следующую смену перед обедом учетчица кричит: "Митя, ты почему не идешь за биркой?" Для меня это было полной неожиданностью. Ура! И спасибо мастеру. До конца своих дней я и девчонки, которые работали на нашем переделе, вспоминали нашего мастера только хорошими словами, он был для всех нас как отец.

Но что делать, чтобы снова во время смены не заснуть? И я решил, что нужно работать на трех станках. К своим станкам я сделал приспособление, которое в нужный момент станок останавливало, и стал работать на 3 станках. Наконец Максюта вышел на работу, и 5 операция заработала в полную силу. Но тут заболела Надя Ефимова, которая работала на 7 операции. На ее станок приходили две девочки, которые работали на 8 операции и все детали у меня забирать, конечно, не успевали, и в конце смены я до 500 кг деталей должен был переносить в кладовую. И чтобы не носить детали в кладовую, я решил снова работать на 3 станках. Если раньше это были 5 и 6 операции, то сейчас - 6 и 7.

В феврале 1943 года начался сбор средств на Уральскую танковую колонну. Хочешь - не хочешь, а средний заработок отдай. Со слезами на глазах "подписался" на 2000 рублей и следующие два месяца денег не видел. А тут меня еще "повысили" - назначили настройщиком, и зарплата моя упала в 3 раза. А получилось так, в начале марта в 10 часов вечера ко мне подходит наш сменщик мастер В.И. Бандурин: "Мокроносов, ты сегодня работаешь до 12 ночи и идешь домой, а завтра с утра выходишь в мою смену настройщиком".

- У меня есть мастер Востроknутов, с ним и договаривайтесь.
- Я тебе сказал, и все!

Я к своему мастеру, а он: "Работай и никого не слушай!" В 12 снова подходит Бандурин: "Ты почему не ушел?"

- Мастер не разрешил.
- Идем к Волкову!

Пришли мы к Волкову (зам. начальника цеха) а тот сразу:

- Тебе что, особая команда нужна? Марш домой!

Я доложил об этом мастеру и в час ночи ушел домой. В 8 утра был уже на работе, настройщиком в смене Бандурина.

Парни рвались на фронт, но ничего из этого не получалось. Группа инструментальщиков, человек 10, пошли в военкомат, чтобы их призвали в армию. Их призвали, вручили повестки, и вечером они должны были уехать. Уже через минуту после

начала смены по адресам парней, не вышедших на работу, побежали учетчицы. Ответ везде был один: "Взяли в армию, и ребята ушли на вокзал".Тут же доложили Белоброву - директору завода. Директор распорядился: "Мастерам немедленно идти на станцию. Послать на станцию грузовик с вооруженными охранниками."Беглецов" вернуть в цех, пропуска у них отобрать и из цеха не выпускать". Довольно долго эти ребята находились в цехе на казарменном положении. Получилось, что майор-военком, из подразделения генерал-майора - директора завода, хотел забрать несколько человек. Был жуткий скандал, больше такого не повторялось. Мой сменщик Коля Чирков пытался уйти в армию, но не мог. Тогда он прогулял смену, был осужден на 4 месяца тюрьмы, которую ему заменили штрафбатом, больше я о нем ничего не слышал.

Я в военкомате сначала числился в разделе "Отсев второй категории", но потом меня все-таки решили призвать. Вызвали в военкомат, вручили повестку на отправку. Я пошел в цех, чтобы оформить расчет и оставить маме хоть немного денег. Вместо расчета начальник самолично отобрал у меня повестку и пропуск, сказал: "Дождешся в цехе начала смены и будешь работать!" Я просил, чтобы меня отпустили домой переодеться, да и после ночной смены я еще не спал. Ничего не подействовало.

Механизация и в войну механизация

Бандурин, не в пример Востроknутову, был человеком жестким и не сговорчивым. В моей обязанности, как настройщика, было исправление дефектных деталей, которые на цеховом жаргоне назывались "Поправка" (ударение на "о") .Дефектов, подлежащих исправлению, было два: неплотное прилегание резьбового калибра к торцу пояска и тугая резьба, когда резьбовой калибр не навёртывался на резьбу. Исправляя дефект "просвет", деталь приходилось держать за резьбу, и однажды я порезал сразу три пальца правой руки. Рука болела, но я думал, что заживет и продолжал работать. Наконец работать стало невозможно. В ночь на 1 мая 1943 года я пошел в здравпункт. Мне дали освобождение до конца смены. Когда ночью я появился дома, мама испугалась: "Что случилось?" Я показал руку. Мама тут же затопила плиту, нагрела воды, велела мне руку опустить в горячую воду с содой, и все время подливала кипяток. Так продолжалось около часа. Покрасневшую руку я из воды достал, кожа на запястье лопнула и оттуда вытекло "море" гноя. Вечером я уже был на работе. Я начертил приспособление для исправления просвета и попросил мастера установить его на резервном станке. Приспособление не делали, а я просвет не исправлял. Поправок накопилось много. Мастер заметил это и на меня:

- Почему не исправляешь просвет?
- Нет приспособления.
- Исправляй по-старому.
- Не буду снова резать руку. Вон она какая.

И я показал ему только-только нарастающую на ладони и пальцах свежую розовую кожицу. Настойчивости и угроз мастера оказалось недостаточно, чтобы перебороть мое справедливое упорство. Через день наш токарь Валентин Попов приспособление сделал, и вопрос был снят навсегда. Мне еще спасибо сказал мой сменщик Кравченко.

Прорезка резьбы диаметром 100 мм леркой вручную была работой невыносимо тяжёлой. Дефект получался по моей вине во время настройки и по вине станочниц из-за недогляда. Мы должны были прорезать резьбу каждый на своей детали. Я при

настройке мог не допустить "тугой" резьбы, а начинать с резьбы "провальной", тогда деталь не нужно было исправлять, ее нужно было просто выбросить. Но было жалко труда более чем десятка рабочих, которые эту деталь делали. Девчонкам не всегда хватало сил, чтобы исправить деталь, тогда резьбу прорезал я.

Работу тяжелее придумать было трудно. Резьбу нарезали на резьбофрезерных полуавтоматах ЦКМ. Прорезать на них резьбу было невозможно, но на переделе был станок, на котором это можно было сделать. Беда в том, что станок был неисправен. Я попросил мастера, чтобы станок отремонтировали. Проходит день, неделя, а к станку никто не подходит. Девчонкам сказал, чтобы они больше детали не прорезали, а несли в кладовую. Радости было...

В это время нас стали отпускать домой, как только будет выполнено задание, но не раньше 5 часов. На моем переделе к 5 часам обычно все выполняли задание, браковщица Надя Фокина подтверждала, что передел задание выполнил, мог идти домой и я. Бандурин заметил, что дефект по резьбе никто не исправляет, пошел в кладовую, а там таких деталей гора. И мастер мне сказал:

- Домой будешь уходить в 8 часов, и так будет пока не исправишь всю поправку!
- Исправлять не буду, пока не отремонтируют станок.

Я просидел до конца смены, но исправлять детали не стал. Вечером прихожу на смену, а станок разобран, значит, начали ремонт. В этот раз мастер отпустил меня домой в 5 часов. Накануне, когда все ушли домой, он попробовал сам исправить резьбу и все понял. Мое упрямство появилось не на пустом месте. Станок отремонтировали и вопросов по исправлению тугой резьбы больше не возникало.

Начальник нашего отделения уехал учиться в МГИМО, а вместо него назначили Бандурина. Нам прислали нового мастера. Им стал рабочий цеха №4 Никулин. Он очень хорошо работал на изготовлении снарядов, был коммунистом, но ничего не понимал в технике, был человеком ответственным, хотя и полуграмотным. По приходу к нам Никулин попытался показать кто на переделе главный, но из-за своей неграмотности только мешал работать. В моей бригаде работало 12 станков, и бывало, что во время настройки одного останавливался еще один, а порой и несколько станков. Девчонки, а на переделе не было ни одного парня, сразу мне сообщали, какой еще станок нуждается в настройке. Я же в первую очередь настраивал станок, который в этот момент определял выполнение переделом задания.

Но не таков был Никулин. Он органически не мог переносить, что какой-то станок и не работает, и не настраивается. Стоял у меня над душой и повторял, что на 8 операции или на 6-й надо настроить станок. Я и без него это знал, терпел и делал свое дело. Но, наконец, мое терпение лопнуло, и я мастеру сказал, что если он будет говорить мне какой станок нужно настроить, я тут же все брошу и пойду его настраивать. Так я и поступил, в результате передел остановился. Никулин не знает что делать и идет жаловаться начальнику смены.

Я, избавившись от "руководящих" указаний мастера, передел запустил. Никулин посылает меня к Ширшову. Тот разъярённый налетает на меня: "Почему не слушаешься мастера? Почему остановил передел?" Я ответил, что передел остановился как раз потому, что я пунктуально исполнял все указания мастера, и рассказал, как было дело. Ширшов остыл, меня отпустил и вызвал Никулина. После этого мастер больше в мои дела не вмешивался. Он, видимо, наконец понял, что устойчивая работа передела целиком зависит от бригадира-настройщика. Иногда, чтобы как-то компенсировать отсутствие рабочего, мне приходилось нарушать технологию:вместо одного

ставить на станок два резца или совмещать черновую и чистовую операции и т.п. Никулин не понимал, что технология нарушается, его это и не интересовало. Он был доволен, что даже при отсутствии рабочего передел выполняет задание, а как - это было не его ума дело.

В дальнейшем мы с мастером стали друзьями. Более того, на работу я приходил за несколько секунд до гудка, и мастер встречал меня и докладывал обстановку на переделе. Нас обоих это устраивало. Никулин видел, как я с каждым днем становлюсь все "прозрачнее". Сам он жил в своем доме, у них была скотина. Дочь его работала на железной дороге, чем отец очень гордился, и тоже не голодала. Мастер не мог себе представить, что может оказаться на переделе без Мокроносова. И однажды он отдал мне на целый месяц карточку УДП (усиленное дополнительное питание), которую получали мастера. В просторечьи эта карточка называлась "умрешь днем позднее". По этой карточке полагалось так называемое двухразовое питание в столовой №1. Для меня это было огромной поддержкой, а Никулин, отдав мне УДП, совершил подвиг, за который я ему всю жизнь благодарен.

Летом 1944 года проходил смотр "фронтовых бригад". Моя бригада была признана лучшей на заводе. На сцене я вместе с поздравлениями получил денежную премию на всю бригаду. В это время на заводе готовили списки для награждения ИТР и рабочих государственными наградами. Я об этом, конечно, не знал, но подходит ко мне секретарь партбюро цеха Кощеева и говорит: "Цех представил тебя к награждению, но мандатная комиссия... Да ты сам понимаешь, извини, мы в цехе очень ценим твою работу". Что я мог сказать? "Спасибо".

Известие, вызвавшее переполох

В последних числах августа я вечером пришел с работы. Мама меня с нетерпением ждала:

- Митя, я сегодня встретила Павлу Семеновну Ладейщикову, и она сказала, что Юра (мой однокашник и друг) получил вызов в институт. Она говорит, что есть постановление Правительства о комплектовании высших учебных заведений, которые остались совсем без студентов. Пойди и узнай что и как. Юра,что знал мне рассказал: "Из Лысьвы в институты страны должно быть направлено 300 (!?) человек. Для того, чтобы получить отпуск на экзамены, нужно подать в институт заявление, приложить аттестат и получить вызов". Времени для этого не оставалось. На другой день мама пошла в школу, я работал в первую смену, и получила мой аттестат, попросила у своего начальника командировку в Свердловск.

Валентин Михайлович Гущин к ее просьбе отнесся с пониманием, да и потребность в командировке, к счастью, была. Мама сдала мои документы в УИИ и получила вызов на экзамены. Я в то время учился на курсах мастеров."Искра" писала: "На курсы мастеров направлен настройщик С-10 В.Немтин, а вместе с ним Д.Мокроносов".

30 августа во время перемены ко мне бегут ребята: "Митя, тебе брат принес вызов в институт!" На курсах переполох. В.А.Пономарев, тоже слушатель курсов, а позднее начальник инструментального цеха, вспоминал об этом так: "Это известие произвело на всех большое впечатление. У всех нас образование было не больше семилетки, а у Мокроносова, оказывается, среднее образование и его вызывают в институт». Я все бросил и, не заходя домой, пошел на завод. На завод

меня в это неурочное время с трудом пропустили. Отпуск в цехе мне оформили без задержки, и вечером я на вокзале ждал поезд, чтобы ехать в Свердловск. Таких, как я, оказалось несколько человек. Мы рассчитывали, что 31 августа будем в Свердловске, но не получилось.

Наш поезд приходил в Кузино через 10 минут после отправления пригородного поезда на Свердловск. В институте мы оказались 1 сентября. Один экзамен пропустили, но нас допустили к следующим восьми, а алгебру письменную зачли при сдаче устного экзамена. Экзамены я сдавал успешно, но от 150 рублей, которые мне дала мама, осталось 41рубль 15 копеек на обратную дорогу, да несколько копеек на трамвай. Готовимся к очередному экзамену, а тут приходит старшекурсник и говорит, что им нужны 4 человека для разгрузки двух вагонов досок на "Уралобуви". Мы тут же пошли, вагоны разгрузили, получили по 0,25 литра спирта и на рынке продали его за 500 рублей.

Домой я приехал уже как студент УПИ. В это время у меня на ногах открылись трофические язвы. Ходить было невыносимо больно. До окончания отпуска было 4 дня, и я в основном отлеживался. 28сентября приходит учетчица:

- Почему ты не приходишь на работу?
- У меня отпуск.
- Тебя вызывает начальник. Идем, я тебя жду.

Я оделся, написал заявление на расчет, и мы пошли в цех. Начальник цеха, как только я вошел в кабинет, спустил на меня "всех собак":

- Почему не выходишь на работу?
- У меня отпуск.
- Какой отпуск! Раз ты в Лысьве, то должен сразу идти на работу.
- Вот мое заявление на расчет и вызов из института на учебу.
- Ничего я тебе подписывать не буду. Иди к Курзанову. Все, разговор окончен.

Я пошел к зам. директора завода по кадрам, И.Н. Курзанову. Тот, даже не выслушав меня, сказал:

- Никакого тебе расчета. Иди и работай, а мы будем судить тебя как прогульщика!

Окончательно расстроенный я ушел от Курзанова. Что делать? Кому жаловаться? У кого искать защиты против вопиющей несправедливости? Утром я пошел к прокурору города Шолохову, потому что еще Юра Ладейщиков сказал мне, что набор в институты контролирует прокуратура. Все подробно рассказал Шолохову, тот при мне звонит нач. ОК завода М. Полякову.

Переговорил с ним и меня направил в отдел кадров. Поляков встретил меня хорошо, сразу принял и дал распоряжение оформить расчет, позвонил Н.А.Оборину, припугнул его прокурором, и все было оформлено в тот же день. Прокурора в те годы боялись все. 29 сентября я выехал в институт.

Нога моя разболелась так, что каждый шаг по мостовой перед институтом отзывался нестерпимой болью. Я пошел в институтскую медсанчасть. Мне дали освобождение от занятий на неделю. У врача было желание положить меня в малюсенький стационар при поликлинике, но не было свободных мест. Через неделю нашу группу отправили на сельхозработы, а обо мне не могло быть речи. С 1 ноября я уже мог посещать занятия.

Студенческие годы

Закончился семестр. С 5 января начинались экзамены. На встречу Нового года мы с товарищем не пошли - было не до вечеринки, очень хотелось есть. Утром я пошел искать работу. На одной из баз увидел 3 вагона. Дежурная сказала мне, что скоро приедет Анна Алексеевна и с ней можно будет договориться о разгрузке. Анна Алексеевна была "завбаз". До конца учебы у нас с ней сложились очень хорошие, доверительные отношения. Впоследствии, даже если я сам не мог придти работать, бригаду студентов-грузчиков всегда обеспечивал. Но и она все пять лет, пока я не окончил институт, обеспечивала меня солью, которая при карточной системе ценилась на вес золота.

Приехала Анна Алексеевна и страшно удивилась, а одновременно и обрадовалась, что ей не придется искать грузчиков. Мы договорились, что надо 6 грузчиков для разгрузки двух вагонов с мандаринами и одного с американским шпигом. Я пошел собирать бригаду. Троих нашел быстро, нужно было еще двоих. У нас в группе был здоровый парень Еремин, и я пошел к нему, но он ушел к Мише Обухову, и я туда. Пригласил того на работу, он согласился.

Но тут Миша, которого я не собирался приглашать, попросил взять и его. Он был маленьким, щупленьким мужичком, на 6 лет старше меня, инвалид войны. Раненная левая рука у него не поднималась выше плеча. Какой из него грузчик? Но отказать - значит обидеть человека, напомнить о его физической неполноценности, унизить. Сам я прошел через многие унижения и допустить такое в отношении другого человека не мог и взял его в бригаду. Впоследствии мы стали самыми близкими друзьями, он был постоянным членом моей бригады. На работе я всегда помогал ему поднять груз на плечи, и он до конца своей короткой жизни вспоминал об этом и говорил, что другого такого друга у него никогда не было.

В 1947году уже он заключал договор с ОРСом института на вывозку из лесосеки 300 куб. леса, и мы с братом первыми были включены в бригаду. Миша был очень добрым человеком, готовым всегда придти на помощь нуждающемуся. В 1948 году моя сестра Таня поехала поступать в институт, с ней была мама. Мама Мишу хорошо знала, и я им сказал, чтобы до начала экзаменов они обязательно зашли к Мише. Они последовали моему совету и, как только приехали в Свердловск, пошли к Мише.

- Какой первый экзамен?
- Алгебра.
- Бином Ньютона знаешь?
- Нет. Мы в вечерней школе его не проходили.
- Чего же ты приехала? Давай садись и будем заниматься.

И надо же такому случиться, все, чему Миша научил ее за это очень короткое время, "попало" ей на экзамене.

Бригада создана, вагоны разгружены, за работу мы получили мандарины, которые продали на рынке, "заработав" по 550-600 руб. и накупили пирожков с ливером. В коммерческом магазине они стоили 7рублей, а на рынке 20. Второго января у нас был "царский" день. И потекла учеба вперемежку с работой.

Судьбоносная встреча

На майские праздники лысьвенские студенты поехали домой. Для меня эта поездка определила всю дальнейшую жизнь. Праздники мы, конечно, "продлили" и поехали в Свердловск лишь 5 мая. Билеты купить было трудно, но нам это всегда удавалось,

т.к. в первую очередь билеты продавались участникам войны, студентам, командированным и потом уже всем остальным.

Я, как правило, оказывался в вагоне первым и занимал места своим друзьям. Определить, где остановится "твой" вагон, было невозможно, потому что номера вагонов начинались иногда от паровоза, а иногда с конца состава. Купить билет в плацкартный вагон было невозможно, поэтому мы всегда ездили в общих вагонах, старались занять вторую или третью-багажную полку. Идет поезд, и ясно, что наш вагон в конце состава.

...Вся толпа пассажиров бежит в хвост поезда, и я в этой толпе. Перрон земляной, засыпан золой от паровозов. Я оступился, то ли в ямку угодил, то ли на комок золы наступил, и упал. Я "стоял" на коленях и отжимался от земли руками. Все мысли были о том, лишь бы не растоптали. Толпа пролетела, я поднялся, но думать о том, что попадешь в вагон в числе первых, было бесполезно. И я пошел к дальнему нерабочему тамбуру. Вагон был последним, и людей там уже не было. Толкнул дверь, и она, на мое счастье, оказалась открытой. Я на одном дыхании залетел в вагон, обнаружил пока еще свободное купе и занял его.

Навстречу бежит девушка: "У Вас есть свободное место?" "Нет, все места заняты." Она побежала в следующее купе и заняла вторую боковую полку. Мне было почему-то неудобно, что я отказал девушке в хорошем месте. Пришли мои друзья Лека Шавкунов и Сережа Лоншаков с подругой Люсей Спалле, и мы расположились. Я рассказал ребятам историю, приключившуюся со мной, а Люся сказала, что это подруга ее детства Галя Иванова и живут они рядом. И тут я вспомнил, что Галя училась в нашей школе, классом старше меня, раза два я мельком видел ее в институте.

В Кузино в ожидании поезда на Свердловск мы, лысьвенцы, были в одном углу зала ожидания. Чувство вины меня не покидало. Объявили, что приходит скорый поезд №6. Билетов на него, конечно, нет. Мы перешли пути, чтобы по приходу поезда оказаться с его тыльной стороны. Поезд пришел, и мы пошли проверять, нет ли где-то открытой двери в тамбур и ее обнаружили. В тамбуре нас набилось столько, что не всем хватало места, чтобы поставить на пол вторую ногу. Но через 2,5 часа мы были в Свердловске. Вышли из вагона, и я, чтобы как-то загладить свою вину, взял у Гали чемоданчик. У нее было два маленьких, а у меня один большой. Она не возразила. Так с пересадкой мы на трамвае доехали до места. Я проводил Галю до ее 7 общежития, а сам пошел в свой 9 корпус. Так мы расстались.

В воздухе витало небезосновательное предчувствие, что война заканчивается. Наконец наступило 9 мая. В каждой комнате общежития была тарелка-громкоговоритель. Она никогда не выключалась. Радио начинало работу в 6 утра, а заканчивало в 12 ночи. 9 мая радио начало работу в 5 часов утра и сообщило о победе. Что тут поднялось! Пятиэтажное общежитие гудело как тысячи растревоженных ульев. Казалось, этому не будет конца. Между тем радио сообщало: «9 мая занятий не будет - праздничный день. В 9 утра в институте общий сбор».

Были в моей тогда еще достаточно короткой жизни праздники, но этот не шел в сравнение ни с каким другим. Это был Великий праздник, оставшийся таким для каждого, кто пережил войну, на всю жизнь. Какие там 9 утра. Уже в 8 часов все студенты были в институте. Каждый хотел поделиться своей радостью, каждому казалось, что его радость больше, чем у любого другого. Все забыли, что еще вчера они были голодны, хотели есть, а сегодня все были сыты одной только радостью - Победой!

В фойе актового зала заиграла музыка, начались танцы. И тут я увидел Галю. Мне захотелось танцевать именно с ней, и я пригласил ее на вальс. Это был наш первый с ней вальс. Пока играла музыка, мы танцевали. В актовом зале состоялся митинг. Речи были короткими, но от души. Митинг закончился очень быстро, потому что говорить много было не о чем, все было сказано одним емким словом ПОБЕДА!

16 июня в 7-ом общежитии были танцы, и я пошел на них. Там снова встретил Галю. Мы танцевали, разговаривали. При разговоре выяснилось, что я еще ни разу не был на свердловской достопримечательности - Каменных Палатках. Галя предложила как-нибудь показать их мне. Но зачем ждать случая - пойдем сейчас, мы уже были на "ты". И мы пошли. Каменные Палатки представляли собой грандиозное зрелище. Я восторгался, Галя меня поддерживала. Вот Палатки уже позади, а мы все идем и идем. Держимся за руки, и куда идем, не понятно, да нам это и неважно. Нам хорошо, и мы идем.

Вдруг откуда ни возьмись солдат с винтовкой: "Стой, кто идет!" Оказывается, мы забрели в какую-то запретную зону. Но нас не задержали, а повернули назад. Было страшно интересно - мы шпионы. Этот эпизод как-то сблизил нас, и обратно мы шли уже в обнимку. Смех долго не покидал нас. Домой мы вернулись лишь в 5 часов утра. Эта ночь перевернула всю нашу жизнь. С этого времени не проходило дня, чтобы мы не встречались. Лишь на лето 1947 года нам пришлось расстаться. Мы, бригада парней-грузчиков, жили в лесу и грузили машины, которые увозили в Свердловск.

Встреча через десять лет

В начале сентября стало известно, что папа возвращается домой. Из Ванино он ехал на "пятьсот веселом" поезде. Так народ называл пассажирские поезда, состоящие из товарных вагонов. Им присваивались номера 501, 502, 503 и т.д. Шли они практически без расписания и очень медленно. Наконец 17 сентября вся наша семья на Свердловском вокзале - мы встречаем папу!

Десять лет тому назад мы расставались с еще молодым кудрявым человеком с горящими глазами, а встретили почти старика, с потухшим взглядом, реденькими волосами, без зубов, которые съела цинга, и с морщинами на лице. Но все равно это был наш папа!Мы с братом уже сами могли прокормить не только себя, но и маму, но папа нам был нужен - мы так долго жили без него. Кстати, еще в марте мама заболела и не смогла работать, мы ее пригласили к себе и безбедно жили до июля, пока не уехали в лес.

Маме очень хотелось жить в родном Свердловске вместе с сыновьями, и она попросила папу, чтобы он поступил на работу здесь. Папа попытался устроиться на работу, но его не брали: "Вас в Свердловске не пропишут." Тогда папа пошел к генералу нач. УВД Свердловска, и тот разрешение на прописку дал. Папу приняли технологом на завод Воровского, выдали ключи от комнаты в общежитии, и они с мамой поехали в Лысьву, чтобы забрать Таню и вещи. В Лысьве папа встретил старых сослуживцев, и, хотя прошло уже 11 лет, его хорошо помнили. Ему настойчиво советовали сходить к директору завода.

Папа решился, сходил к директору, а тот был уже подготовлен к встрече и предложил папе должность главного диспетчера завода - зам. нач. производственного отдела, с окладом в 1700 рублей, и через два-три месяца обещал двухкомнатную квартиру. В Свердловске же 1100 рублей и комната в общежитии. Мама сказала, что, как он решит, так и будет. Главное, что они теперь вместе. Уже 16 декабря (первый день

без карточек) папа, мама и Таня переехали в благоустроенную по тем временам квартиру.

Наступил 1949 год. Я учился на 5 курсе, а Галя уже полгода работала плановиком в лудильном цехе. Еще в1946 году, на свадьбе Сергея Лоншакова и Люси Спалле, мы договорились с ней, что, как только я закончу институт, мы поженимся. А 1949 год напоминал 1937-й. Тех, кто выжил после ареста в 38 году,"органы" начали "прибирать к рукам". Нашего соседа Херсонского, из соседней трехкомнатной квартиры, увели куда-то вечером. Несколько месяцев спустя его жена получила письмо, в котором муж сообщал, что живет и работает в Норильске и предлагал ей с детьми переехать к нему. Наша соседка собралась и, как только дети сдали экзамены в школе, они все уехали.

Мама о нашей договоренности с Галей знала, поэтому и сказала: «Если ты намерен жениться нынче, то папа будет просить 17 квартиру». В конце июня мы с Галей переехали в 17 квартиру, а 16 июля сыграли свадьбу.

Этот год не прошел бесследно и для папы. Он был снят с должности главного диспетчера завода и назначен начальником ОТК мартеновского цеха.

... В 1955 году на завод приехал начальник Главуралмета, остался очень недоволен работой центральной заводской лаборатории и поручил директору принять меры к улучшению работы ЦЗЛ. Это было время хрущевской оттепели. Е.Д.Мокроносова отозвали из "мартеновской ссылки" и назначили начальником ЦЗЛ. Папа с присущей ему энергией принялся за работу, благо, она ему была хорошо знакома еще с 30-х годов. Первое, что он сделал, это бывшие самостоятельными металлургическую и теплотехническую лаборатории включил в состав ЦЗЛ. Оказалось, что на заводе много производств, где для отладки или совершенствования технологии требовались усилия одновременно сразу нескольких лабораторий. В качестве примеров может послужить повышение стойкости и долговечности конфорок для электроплит, освоение производства динамной стали и, наконец, отработка на опытном агрегате, а затем и на промышленном технологии хромирования и лакирования жести. Лаборатория стала одной из лучших лабораторий Пермской области. Пермская лаборатория Госстандарта СССР разрешила ЦЗЛ Лысьвенского металлургического завода самостоятельно аттестовать некоторые лабораторно-измерительные приборы. Такой чести удостаивалась далеко не каждая лаборатория.

Умер папа в 1964 году.

И снова - завод!

19 января 1950 года я защитил диплом и сразу же уехал домой. 1 марта пришел на завод и попросил направить меня на любую работу, только не на ремонт. По работе еще в С-10 я знал, как незаслуженно обвиняют ремонтников во всех грехах. И.Н.Курзанов, который меня принимал, сказал, что посоветуется с директором. Через день он предложил мне пойти пом. мастера на прокат, в жесть-1. После оформления всех документов я пришел в цех и сразу был назначен на работу в ночь на 5 марта. Опять в ночь. Так началась моя теперь уже постоянная трудовая жизнь.

Два месяца я проработал помощником мастера в смене замечательного человека и руководителя Павла Алексеевича Дудырева. Стал уже подменять мастера, в совершенстве освоил сборку и настройку клетей, способы борьбы с браком. Но...
Сразу в трех цехах сняли с работы помощников начальников цехов. Путем сложных перестановок вопрос почти удалось решить. Не было лишь кандидатуры на долж-

ность пом. нач. по оборудованию в жесть-1. В первых числах мая, как только я пришел домой после ночной смены, раздался звонок, меня срочно вызывали в цех.

В кабинете начальника цеха были гл. механик завода М.П. Медведев и директор завода А.И. Трегубов. Разговор начал Аркадий Исаакович, сказав о том, что он знает мое отношение к ремонту, но обстоятельства сложились так, что меня вынуждены назначить помощником Е.Г. Павлова (начальника нашего цеха) по оборудованию. Сказал: "Завтра выходите с утра, принимайте дела и приступайте к работе."

Семь лет, которые я проработал в цехе, пришлись на период массовой механизации и облегчения условий труда, которые с упорством проводил Трегубов. Если в 1950 году обдувная вентиляция была слаба и неэффективна, маленькие старые вентиляторы часто выходили из строя и рабочие задыхались без вентиляции, то к 1957 году на всех станах были установлены мощные, надежно работающие вентиляторы.

Все станы были оснащены вытяжной вентиляцией - воздух в цехе стал значительно чище. Нагревательные печи были переведены на отопление мазутом. Дублеры Ятес и Schleifembaum сначала были вынесены на заднюю сторону станов, а затем заменены напольными. Вместо ручного нажима валков были внедрены механизированные нажимные устройства второго поколения. Клети оборудованы шлифовальными устройствами. В листообрезном отделении ножницы с трансмиссионного привода переведены на индивидуальный. Построен разделочный пролет, расширены здания стана №5 и листообрезного отделения.

В цехе сложился прекрасный коллектив ремонтников: В.К.Чубаров, К.И.Шилов, Г.Я.Зубков, П.Климкович и другие. Оборудование цеха работало четко, аварийных остановок практически не было. Цех ходил в передовиках.

В конце апреля 1957 года директор приказал мне перейти в жесть-2 помощником начальника цеха по оборудованию, взамен снятого за пьянку. Я категорически отказывался, но тогда были такие времена, что с мнением человека никто не считался, и с полсмены 30 апреля мне пришлось перейти в жесть - 2. Меня повысили, но как и в 1943 году зарабатывать я стал меньше. Все, что было сделано с моим участием в жести-1, пришлось делать в жести-2.

Мы начали заменять нажимные устройства, вместо старых дублеров стали устанавливать напольные и выносить их на заднюю сторону станов, клети оборудовали шлифовальными устройствами, смонтировали новые обдувную и вытяжную вентиляции. За клетями установили укладчики пакетов, чем значительно облегчили труд застановщиков. Были построены конвейерные печи для нагрева сутунки, смонтированы монорельсы для подачи нагретых пакетов к клетям. В листообрезном отделении появились дисковые ножницы конструкции ЦОМА, значительно облегчившие труд резчиков. Цех "встал" на ноги и заработал хорошо.

Временное становится постоянным

Летом 1962 года вызывает меня директор завода Е.С.Одинцов:

- Вы знаете, что зам. главного механика Г.Т. Киселев болеет, а М.П. Медведев работает один?
- Да, знаю.
- Поэтому завтра выходите в ОГМ в качестве и.о. зам. главного механика.
- И это надолго?
- Пока не выздоровеет Киселёв.

Утром я пришел в ОГМ, зашел в кабинет гл. механика, поздоровался и сказал, что по приказу директора пришел работать.

- В каком качестве?
- На время болезни Григория Тихоновича.
- А мне директор ничего не говорил.
- Тогда я пошел в цех.
- Нет - нет оставайтесь, раз директор сказал. Тем более, что и я не против. Будем работать вместе.

Так я стал и.о.зам. главного механика. Работа мне была знакома, поэтому сразу занялся делами. Но не прошло и двух месяцев, как Киселев умер. После ноябрьских праздников звонит мне начальник отдела кадров Ракланов и говорит, что получил указание готовить приказ о назначении меня заместителем главного механика. Я попросил его подождать - схожу к директору. В понедельник записался на прием к директору и пришел. Он меня встретил вопросом:

- Зачем пришли в приемные часы, не могли так зайти?
- Мог, но я по личному вопросу.
- Выкладывайте.
- Вы меня хотите наказать.
- Кто сказал?
- Я. Вы дали команду назначить меня заместителем главного механика. Я уже не говорю о том, что потеряю в зарплате. К этому я уже привык — это происходит с каждым повышением. Но до конца года осталось 1,5 месяца и, если Вы переведете меня сейчас, то я потеряю и выслугу лет, а это приличная сумма.
- Хорошо, я Вас понял. Скажите Лубенцу и идите в цех. Но 2 января будьте в ОГМ.

Не со второго, но с 4 января 1963 года я - заместитель главного механика. Работы хоть отбавляй! Кроме плановых ремонтов, для чего и существует ремонтная служба, ведутся реконструкция эмальцеха, замена электородвигателей и строительство коридоркой печи в ж-2. Да еще по заданию обкома партии изготовление металлических форм, для отливки 18-метровых и половин 24-метровых железобетонных ферм.

1965 год. Идет подготовка к капитально-реконструктивному ремонту мартеновской печи №3. Впервые мы сами готовим обечайки для 70-метровой трубы.

На ежедневных совещаниях, которые проводил в период ремонта главный инженер Чусовского отделения Уралдомнаремонта, к ремонтной службе завода претензий не было.

...Главный механик подал заявление на расчет, ему было уже 72 года, но директор боялся остаться без проверенного надежного руководителя, и заявление, несмотря на неоднократные напоминания, не подписывал. Подготовку к ремонту мартеновской печи и сам ремонт главный механик поручил мне, видимо, не без задней мысли, на оперативки принципиально не ходил. Директор, присутствуя на оперативках, видимо, убедился, что зам. главного механика с работой справляется, и заявление М.П. Медведева подписал. 21 августа 1965 года он назначил меня главным механиком со словами: «Подбирайте себе заместителя!» Мне долго выбирать не пришлось. На должность зам. гл. механика как нельзя лучше подходил А.Д.Телицын - инженер, прекрасный конструктор, работавший начальником техбюро ОГМ, а ныне успешный пом. нач. жести-1 по оборудованию. Я подготовил проект приказа и пошел визировать его к главному инженеру.

Главный инженер визировать проект приказа отказался: "Не пойдет, беспартийный, старик (старик был на 8 лет младше главного инженера). Мы Вам подберем молодого коммуниста!"Я сказал, что тогда молодого коммуниста назначайте главным механиком, а я останусь заместителем. И ушел.

Через несколько дней звонит по прямому телефону директор и спрашивает где проект приказа. Я отвечаю, что главный инженер мой проект не визирует и говорит, что подготовит свой.

- А почему не зашли ко мне?
- Вы же без визы главного инженера приказы не подписываете.
- Приходите.

Я пришел к директору, передал ему разговор с Е.В.Ивановым, и директор при мне приказ подписал.

Механики «на все руки»

1967 год. Ульяновский станкостроительный завод предлагает к реализации продольно-фрезерные станки. У завода была острейшая нужда в таком станке. Продольно-строгальный станок братьев Бромлей выпуска 1912 года давно себя изжил. По каталогу выбрали нужный нам станок. С отделом оборудования договорился, что оплатим за счет капитального ремонта, станок пришел, но, не демонтировав Бромлей, установить его нельзя. Я решил, что к цеху нужно строить пристрой, опять же за счет капитального ремонта. Еще в 1966 году я 20 дней проработал в Москве в Союзметаллургпроме. Работали мы вдвоем с бывшим главным механиком МЧМ А.П.Горой и подружились. Я позвонил ему и попросил денег на капремонт, объяснив на что. Деньги мы получили.

Пристрой нужно было ставить на месте деревянного здания слесарки. Об этом узнал главный инженер и приказал отделу оборудования никакие заказы на оборудование от Мокроносова не принимать, проектному отделу пристрой не проектировать, а УКСу не строить. Обложил, можно сказать, со всех сторон. Но и я сдаваться не собирался. Поручил спроектировать пристрой конструкторскому бюро ОГМ, где работали только механики. И еще раз убедился - механики способны "на все руки".

Пристрой был спроектирован очень быстро. УКС выполнил указание главного инженера и строить пристрой не стал, но на стройку выделил гусеничный кран с крановщиком, а строителями были слесари. Здание было быстро построено, кроме современного станка цех получил большое светлое помещение, прекрасную слесарную мастерскую, да в придачу еще гараж для цехового автокрана. Станок выручал завод много раз. Например, когда Уралчермет обязал нас обрабатывать опоки для отливки тюбингов Свердловского метро или ванны хромирования, кроме как на нем нигде обработать было невозможно. По-моему, он и сейчас еще верой и правдой служит РЕМПу.

На заводе еще М.П.Медведевым была создана сильнейшая ремонтная служба, а я был ее воспитанником и продолжателем традиций. Все мы считали, что нет такой задачи, которая была бы не по силам лысьвенским ремонтникам. Такого же мнения о ремонтниках ЛМЗ были в Пермском совнархозе, а потом в объединении Уралчермет. Совнархоз дважды посылал меня на Пудемский листопрокатный завод для оказания технической помощи. Трижды меня командировали на Нижне-Сергинский металлургический завод, в том числе дважды мы со слесарем РМЦ Б.В.Онучиным ездили запускать ножницы на новом стане 250, которые не могли запустить ни заводчане,

ни пуско-наладчики, ни специалисты из Ленинградского подшипникового института. Ездил я еще в Салду и Бекабад. А.Д.Телицыну пришлось помогать чусовлянам и визовцам.

Во второй половине шестидесятых годов город испытывал острейший дефицит тепла. Горячую воду подавали в дома не постоянно, а по графику, начальник сутуночного цеха постоянно жаловался на низкое давление пара для паровой машины привода сутуночного стана. Большим потребителем пара был жестепрокатный цех №1, в котором работало сразу 3 паровые машины. Как бы от них избавиться?

Появилась информация, что на заводе «Амурсталь» в неликвидах имеется редуктор с двигателем привода стана дуо. Но на замену паровой машины на электрический потребовался бы в лучшем случае месяц. Чтобы получить разрешение на такой простой, нужно было более чем за год до начала планируемого года обратиться в министерство, доказать необходимость такого простоя, согласовать корректировку плана производства. И мне пришла мысль, а нельзя ли новый привод и установить на новом месте, между станами 2 и 3, и сразу "убить двух зайцев" - работу произвести без останова станов и ликвидировать сразу две паровые машины. Сделали нивелировку осевых станов и, оказалось, что осевые параллельны, что для меня было очень важно, но осевая линия стана 2 миллиметров на 150 ниже, чем на стане 3, и чуть в стороне. Это не препятствовало установке редукторного привода между станами.

И я написал рационализаторское предложение. Сначала в эту "затею" почти никто не верил. Во-первых, как к одному приводу прицепить сразу два стана и как станы будут работать без 9-метровых маховиков? Я попросил главного инженера направить в командировку в Комсомольск-на-Амуре меня, начальника электроцеха Рожкова и конструктора проектного отдела, чтобы на месте определить пригодность оборудования, его состояние и взять чертежи, чтобы, не теряя времени, начать готовить проект. Редуктор был в удовлетворительном состоянии, двигатель в хорошем. Важесов взял необходимые для разработки проекта чертежи. Я дал согласие на отгрузку, и мы отбыли. Не прошло и года, как редукторный привод был смонтирован. Остановились сразу две паровые машины. Сколько тепла высвободилось для города!

Затем купили редуктор на Уралмаше и заменили паровую машину на стане №4. Мы, ремонтники, настолько "обнаглели", что силами конструкторского бюро отдела главного механика спроектировали редукторные приводы для трех линий полировочного стана, лудильного цеха. Ремонтно-механический цех их изготовил и общими усилиями цехов: лудильного, ремонтно-механического, электрического и КИПиА - смонтировали и запустили. Ликвидировали еще одну паровую машину. Случай беспрецедентный, чтобы металлурги сами спроектировали, изготовили и смонтировали привод стана, такого в практике страны не было.

На Уралмаше заказали 4 редуктора для листопрокатного цеха №2. Когда согласовывали проект, выяснилось, что отдел смазок Уралмаша в маслоподвале главных приводов прокатных станов всегда предусматривает наличие дежурного машиниста. Мы сказали, что у нас на главных приводах работают три маслоподвала и ни в одном дежурных нет. Мы готовы передать Уралмашу чертежи автоматики, которая уже несколько лет обеспечивает безаварийную работу главных приводов, на что был ответ: "Мы вам поставим оборудование, а уж вы его по своим чертежам автоматизируйте», что мы и сделали.Все монтажные работы на всех станах проводились по однажды опробованной в жести-1 схеме - без остановки производства.

О строительстве нового РМЦ

Семидесятые годы XX века. Началось проектирование отделения покрытий. В комплекс строительства входило и строительство нового ремонтно-механического цеха. Беда большинства металлургических заводов была в том, что ударными темпами строились основные объекты, а о так называемых"вспомогательных" забывали, а потом маялись из-за отсутствия или недостаточности ремонтных служб. Я видел, как маются ВИЗ, Нижне-Сергинский завод и другие и допустить такое у себя не мог. Постоянно где только можно поднимал вопрос о строительстве РМЦ. Однажды на завод приехал из Уралгипромеза главный инженер проекта реконструкции ЛМЗ Скориков. Я с ним встретился и спросил:

- Когда начнете проектировать ремонтно-механический цех?

- А мы уже по просьбе вашего директора спроектировали вместо отделения металлоконструкций склад оборудования.

- ?

- Да, да не удивляйтесь. Заводу остро необходим склад для прибывающего импортного оборудования, и директор решил пожертвовать отделением металлоконструкций.

Пришлось мне обращаться к начальнику объединения Уралчермет. В.Г.Вершинин меня давно, еще будучи директором Северского металлургического завода, знал. Не раз направлял меня на другие заводы для оказания технической помощи и меня поддержал. Но вот опять незадача. Спроектированное здание слишком мало для ОМК, но Гипромез переделывать проект отказался, отказался проектировать и проектный отдел завода. Снова за дело взялись конструктора ОГМ. Здание было удлинено на 18 метров и стало двухпролётным. С большим трудом, но коробку отделения построили. Сначала мешал склад так называемого оборудования УГР (управление гос. резервов), перенести который должны были ремонтники. Убрали, площадь для застройки освободили, так опять с другой стороны стоит деревянный дом, который директор решил перенести в профилакторий и использовать его как"охотничий домик". В профилактории место для него не готово, он стоял и мешал начать стройку ОМК.

Наконец все позади, механики смонтировали ворота с воздушными завесами, сделали полы, смонтировали оборудование, краны, и отделение металлоконструкций, ни на один день не прекращая работы, перешло в новое здание.

Проект РМЦ не готовится, а строительство отделения покрытий уже заканчивается. Снова поехал в Уралгипромез. Пошел в отдел, который занимается проектированием вспомогательных цехов. Начальник отдела говорит:

- Мы начинаем готовить проекты ремонтных цехов только тогда, когда на 100 процентов уверены, что проект будет использован и его не придется через 5-10 лет корректировать.

- Я Вам гарантирую, что как только мы получим проект, тут же начнем строительство.

- Все главные механики дают нам такие гарантии, а потом через несколько лет приходят с просьбой откорректировать проект.

- Я Вас не обманываю, а чтобы убедить, приведу пример. Вместо отделения металлоконструкций Вы запроектировали склад оборудования. Было дело?

- К сожалению, да. Нас заставило это сделать наше начальство.

- Но этот номер не прошел - мы построили отделение металлоконструкций, и оно успешно работает.

- ?

- Можете приехать и посмотреть.

- Хорошо, мы начнем проектирование, а посмотреть ОМК обязательно приедем. Кстати, нам нужны будут исполнительные чертежи отделения для привязки его к бытовым помещениям.

И меня не обманули. Время от времени я проверял, как идут дела, позднее ругал себя за то, что ни разу не съездил не посмотрел, что же там проектируют.

Когда УКС сообщил, что проект РМЦ получен, я пошел смотреть его, а посмотрев лишь поверхностно, сказал, что такой проект принимать нельзя. Нач. УКСа сказал, что "поезд уже ушел" - проект принят. Оказывается, УКС принимал не качество проекта, а количество листов чертежей.

И снова я поехал в Уралгипромез, для поддержки взял с собой начальника РМЦ Н.А. Кадочникова. В отделе мы сказали, что по выполненному проекту строить цех нельзя. Во-первых, он посажен так низко, что в паводок его затопит. Показали фотографию паводка 1979 года с отметкой верхнего уровня воды. Во-вторых, станки поставлены так, что в вечернюю смену на них работать будет невозможно - рабочих будет слепить солнце. В-третьих, не предусмотрена механизированная уборка стружки, а при такой расстановке станков она невозможна. В нашем старом цехе уже давно нет уборщиц, которые в тазиках убирают стружку. С нами согласились все вплоть до главного инженера Уралгипромеза, но проект принят и переделывать его Гипромез отказался. Главный инженер сказал: «С вашими доводами согласен, но переделывайте чертежи и сметы сами, а мы их подпишем».

Снова эта работа легла на плечи конструкторов и сметчиков ОГМ. Проектный отдел и этой работой заниматься отказался. Чертежи и сметы переделали, съездили в Уралгипромез, который нашу работу без замечаний утвердил. Цех довольно быстро построили. Участвовали в строительстве и монтаже оборудования СМУ-2, СМУ-4, Ижевское монтажное управление и, конечно, заводские ремонтники. Получился отличный цех с прекрасными бытовками, который служит заводу уже больше 20 лет.

В последние годы...

21 августа 1989 года я прекратил работу. Но отдохнул два с небольшим года. Директор завода Костицын и главный механик Шардин попросили меня поработать у предпринимателя Марковского начальником цеха по производству зеленых кормов, который он собирался строить на подсобном хозяйстве завода. Работать начальником я не согласился. Тогда Марковский предложил мне должность технолога, и я поступил к нему на работу. Проработал там с февраля 1992 года по февраль 1996 года Цех построил и рассчитался.

Теперь отдохну! Но не тут-то было. Совет ветеранов завода и коллектив редакции "Искры", а затем и совет ветеранов города выдвинули меня кандидатом в городскую Думу. После некоторых сомнений я решил, что отказывать таким уважаемым организациям было бы несерьезно. Я дал согласие, но в предвыборной кампании участия не принимал. Однако меня выбрали. В Думе депутаты перевели меня на постоянную основу. Я готовил все заседания Думы, проводил заседания комиссии, председателем которой был. Участвовал в заседаниях других комиссий. Вел прием избирате-

лей, зайти ко мне можно было в любое время. Избирателям это было удобно, и они шли. В июне 2000 года закончилась работа городской Думы 2-го созыва.

Наконец я не работаю. И хотя сейчас являюсь инвалидом 1 группы, я не "существую", а живу. Изредка в лысьвенских газетах "Искра" и "За передовую металлургию" появляются мои статьи о былом.

16. 08. 2010 г.

P.S. 26 августа 2010 года сердце Дмитрия Евгеньевича Мокроносова остановилось.